

Светлана Сухомизская

ГОД ЛЯГУШКИ

Светлана Сухомизская

Год лягушки

«Издательские решения»

2015

Сухомизская С.

Год лягушки / С. Сухомизская — «Издательские решения», 2015

Почему путь к сердцу женщины лежит через зубной канал, чем полезно купание в зимней Москве-реке и как устроить личную жизнь, перебегая улицу на красный свет, — обо всем этом узнает героиня романа, а вместе с ней и читатели. Книга рекомендуется всем, кто успел совершить в жизни много ошибок, но не собирается останавливаться на достигнутом.

© Сухомизская С., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

1	6
2	10
3	18
4	27
5	35
6	40
7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Год лягушки

Светлана Сухомизская

*Как услышишь стук да гром, не пугайся. Спросят тебя, скажи:
«Это моя лягушонка в коробчонке едет».*

Русская народная сказка

It's the last battle, baby,

It's the battle for your heart.

Песня группы Marx+Engels

© Светлана Сухомизская, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

1

Зайдя в подъезд, она поежилась и тяжело вздохнула. Ни одна лампа не горела. Это означало – девять лестничных пролетов в темноте.

Вдыхая привычный запах подвальной сырости и жареного лука, она сделала несколько шагов и правой рукой нащупала перила.

На площадках между этажами еще можно было что-то разглядеть – из окон пробивался свет от фонарей во дворе – но на этажах стояла кромешная темнота. Главное – не задеть какой-нибудь из выставленных соседями на лестницу предметов. Когда в подъезде в прошлый раз не было света, она зацепилась о чьи-то детские санки – и ногу поцарапала, и колготки порвала.

Поэтому каждый этаж она пересекала, присев чуть ли не на корточки – медленно, маленькими шажками, шаря перед собой вытянутой рукой. Это помогло ей избежать встречи с грудой макулатуры и каким-то ведром – очень грязным на ощупь. Санки тоже были на прежнем месте, и она порадовалась своей осторожности – на сей раз колготки уцелели.

Наконец, дойдя до пятого – последнего – этажа, она выпрямилась, облегченно вздохнула и уверенным шагом направилась к своей двери.

И чуть не упала, споткнувшись обо что-то мягкое.

Безобразие! Черт знает что такое! Так и шеею не долго сломать! Мешки с мусором они теперь бросают прямо возле дверей что ли?

Она вслепую порылась в сумке, с трудом нашла ключи, на ощупь вставила их в замочную скважину. И, включив свет в коридоре, обернулась назад, чтобы посмотреть, чем на этот раз порадовали ее соседи.

И захлебнулась криком.

Посреди лестничной площадки в луже крови лежало неподвижное человеческое тело...

Перечитав текст на экране, я тяжело и злобно вздохнула и, взявшись за мышь, перевела стрелку курсора вверх, к правому краю экрана. Щелкнула по крестику.

«Сохранить изменения в документе „ДЕТЕКТИВ 3“? – невозмутимо осведомилась программа. – Да? Нет? Отмена?». В ответ я перевела курсор на прямоугольник с надписью «Нет» и нажала указательным пальцем на правую кнопку мыши с такой силой, что мышь хрустнула. Ничего, переживет. В прошлый раз я вообще запустила ее в стену.

Я снова вздохнула. Посидела немного, бессмысленно уставившись в экран. Иконки программ и файлов были выложены поверх кустодиевского «Морозного дня». Другие, то есть нормальные люди вывешивают на рабочий стол пальмы и приветливый морской пляж, а у меня на мониторе был такой же зимний холод, как и за окном.

Я смотрела на пейзаж, и горечь переполняла меня. Другие, то есть нормальные люди наслаждаются солнечными зимними деньками, – а солнце такая редкость в декабре! – прогуливаются среди сугробов, катаются на коньках, а то и на лыжах, а после, разругавшись от мороза, хохочущие, заходят в кафе, заказывают глинтвейн и блинчики с малиновым сиропом... А я словно, вампир в гробу, заточена в проклятой редакции – выползаю из дома в темноте, возвращаюсь в темноте... Но мало того, что я не показываюсь на улице! Даже дома нет мне счастья! Вместо того, чтобы упасть на диван и читать взятую полгода назад у Катки книжку «Бегущая с волками» (необходимую каждой женщине, озабоченной самопознанием) или хотя бы смотреть по телевизору что-нибудь приятно отупляющее, я сижу, скрючившись в три погибели и луплю по клавиатуре, как проклятая. И хоть бы от этого был какой-то прок! Сколько я написала за полмесяца? А сколько из этого осталось в виртуальной папке с незагаданным названием «Детектив 3»? Пара куцых файлов: в одном – строчки три, в другом от

силы десять. Одна радость, прогресс позволяет обходиться без бумаги, а то страшно подумать, сколько деревьев погибло бы зря!

Я нашарила на столе пачку «Парламента» и, неприятно пораженная ее легкостью, заглянула внутрь. В пачке сиротливо перекатывались две сигареты. Как такое могло произойти? Я же открыла новую, прежде чем сесть за компьютер... Не веря в очевидное, я перевела взгляд на пепельницу, и обнаружила, что та до краев полна мятыми окурками. Итак, у меня осталось только две сигареты. Жизнь становится все более удивительной. Но, к сожалению, все менее прекрасной.

Жадно затянувшись предпоследней сигаретой, я подняла глаза вверх, на висящую над столом пробковую доску. На доске, утыканной кнопками всех цветов и калибров, болталось немало ценной дряни. Несколько фотографий: мама на верблюде, разбурлявшаяся Катька, тянущая рюмку к объективу, я в обнимку с обнаженным мраморным мужчиной представительной наружности... Визитные карточки, рекламные листовки, огрызки бумаги с неизвестно чьими телефонами... А в самом центре доски на четырех золоченых круглых кнопках – изготовленный на домашнем принтере транспарант формата А4. Надпись суровым крупным шрифтом – таким в годы революции набирались заголовки большевистских газет: «НИКОГДА! НЕ ЖДАТЬ! ТЕЛЕФОННЫХ! ЗВОНКОВ!». Да, призыв уже устарел. Телефонных звонков я ни от кого больше не жду. Негромко хмыкнув, я завела новый файл, постучала по клавишам, пощелкала мышью и отправила результат в печать. Принтер замигал зелеными огоньками и, попытев немного, выложил в лоток лист бумаги.

Я взяла лист за уголок и помахала им в воздухе, чтобы дать чернилам высохнуть. Отколола старый лист с пробковой доски и заменила его свежим.

Новый лозунг гласил: «КУРИТЬ – ЗДОРОВЬЮ ВРЕДИТЬ!».

Сделав последнюю затяжку – огонь дошел почти до самого фильтра, – я смяла окурочек о дно пепельницы, закрыла ноутбук и, старательно отгоняя образы глентвейна и блинчиков с малиновым сиропом, настойчиво маячившие перед моим мысленным взором, поплелась на кухню – нанести неофициальный дружественный визит холодильнику.

Но не успела я сделать и двух шагов, как дверной звонок издал душераздирающую трель. Человек неопытный решил бы, что в доме начался пожар или в милицию поступил сигнал о заложенной бомбе, но я даже не подпрыгнула, только с невозмутимым видом сменила направление движения и вместо кухни направилась в коридор.

За дверью, как и следовало ожидать, стояла Катька, запорошенная снегом, словно Дед Мороз. Сходство с милым дедушкой довершали два туго набитых пакета с логотипами университета «Перепутье».

– Ты хоть знаешь, сколько времени? – спросила я вместо приветствия.

– Главное, ты знаешь! – заверила меня Катька, тоже не обременяя себя следованием этикету, и, не дожидаясь моего приглашения, вперлась в коридор, задевая пакетами стены и дверь. Один из пакетов отозвался на удар подозрительно знакомым позвякиванием. – Я просто шла мимо, гляжу, у тебя в окошке свет горит. Дай, думаю, зайду!

– Какое у тебя хорошее зрение, – восхитилась я. – Ты увидела свет от самого «Перепутья», и это при том, что у меня окна на другую сторону!

Ничуть не пристыженная, Катька самодовольно хрюкнула.

– Ну, я не виновата, что гора не идет к Магомету! – она сунула пакеты мне в руки, а сама стряхнула с плеч дубленку и, размотав с шеи шарф, полезла за тапками. – Мы с тобой уже сколько не виделись? Месяц?

– Какой еще месяц? Я на прошлой неделе к тебе заходила! В понедельник что ли, – прокряхтела я. Пакеты оказались тяжеленные.

– Что ты с ними обнялась, как с родными! Неси на кухню! А то уронишь еще по своей любимой привычке... «Заходила» она! Забежала, взяла двести рублей до получки и смоталась! Даже чаю не попила!

– Знаю я твой чай! Ты их сначала полчаса кипятишь, потом полчаса наливаешь, потом полчаса подливаешь!

– Не нравится – не дружи!

– Да как с тобой не дружить, если ты на дом являешься!

– Являются только черти и призраки! Я прихожу!

– А время, кстати, как раз для призраков. Двенадцатый час, между прочим! А мне завтра на работу!

– У меня, можно подумать, выходной! – пожала плечами Катька, выкладывая на стол содержимое пакетов – нарезанные тоненько колбасы и сыры, пачку масла, хлеб, маринованные огурцы, оливки, двухлитровый пакет сока, две бутылки «Либфраумильха» и, конечно же, полукилограммовый пакет пастилы.

Я проглотила переполнившую рот слюну. В холодильнике моем, который я так и не успела проинспектировать, не было ничего, кроме антикварной банки морской капусты, купленной, кажется, еще бабушкой в эпоху тотального продуктового дефицита начала девяностых. А заглянуть туда я собиралась из чисто научного любопытства – втайне надеясь найти там повесившуюся от полной безысходности мышь.

Скомкав пакеты и отправив их в шкафчик под раковину, Катька покрутила носом и решительно направилась в комнату, где первым делом кинулась к балконной двери и, оглушительно кашляя, распахнула ее настежь.

– Надо ж так надымить! Кстати, отличный лозунг – как раз по теме! Как ты можешь тут находится, я не понимаю? Не комната, а газовая камера какая-то!

– Это что, – с гордостью ответила я. – Когда я, дописав свою вторую книжку, открыла окно, оттуда повалил такой дым, что соседи вызвали пожарных... Кстати, а сигарет ты, случайно, не купила?

Катька, не снизойдя до ответа, помотала головой и покрутила пальцем у виска. Потом с интересом осмотрела комнату.

– Извини за бардак, – торопливо сказала я. – Я не знала, что ты придешь, поэтому, сама понимаешь, не убралась.

– Как будто ты к моему приходу убираешься.

Я запрыгала на месте потирая ладонями плечи.

– Убираюсь. Пепельницу вытряхиваю. Слушай, закрой дверь, а? На улице не май, между прочим!

Не обращая внимания на мои телодвижения, Катька сказала:

– Я смотрю, любовная лодка окончательно разбилась о быт...

Я перестала подпрыгивать и спросила:

– Ты о чем?

– О чем, о чем... Тебе никто не звонил? – на слове «никто» Катька сделала ударение. Даже тупица поняла бы, что на самом деле имелся в виду кто-то – причем кто-то вполне конкретный. Я надменно подняла брови:

– А кто мне должен был звонить?

– Наверное, королева Елизавета Вторая! Не надо прикидываться душой, ладно? Можно подумать, я и так не поняла, что не звонил.

– Ты что, погадала на меня, прежде чем придти? – хмуро поинтересовалась я.

– Зачем мне гадать. Мне вон этого достаточно.

И Катька кивнула в сторону дивана, над которым висела в простенькой деревянной рамочке фотография молодого человека неземной красоты. Молодому человеку – немного

больше двадцати, а фотографии – чуть-чуть поменьше. От времени она выцвела и побурела, но красота времени неподвластна. А красоты больше, чем может вынести романтическая девица – особенно, если девице недавно исполнилось двенадцать лет. Мне, конечно, уже давно не двенадцать, но и сейчас сердце мое иногда сладко замирает... Впрочем, бог с ним, с сердцем... А фотографию эту все, конечно, помнят, даже те, у кого при виде молодого человека вместо тахикардии начинались рвотные спазмы. Кто не помнит, тому я подскажу.

Кудри по плечам, на плечах кожаная куртка с погончиками, вся в заклепках, молниях и бахроме, а под курткой – кружевная рубашка, ворот расстегнут и широко распахнут, что позволяет влюбленным глазам многие годы замирать на самых красивых в мире мужских ключицах (фантазия между тем заходит гораздо дальше). Губы прекрасного юноши тронуты легкой усмешкой и сиреневатым перламутром, разноцветные глаза, глядящие в самую душу, подведены черным. Руки скрещены на груди, на безымянном пальце правой – о, горе! о, тоска! – обручальное кольцо. Вообще, надо сказать, для восьмидесятых годов прошлого века все очень скромненько – ни тебе черного лака на ногтях, ни золотых блесток в волосах, ни крестов и английских булавок в ушах, ни бриллиантов в зубах.

– Ну и что, – я пожала плечами. – Эта фотография тут всю жизнь висит. С тех пор, как ты мне ее на день рождения подарила... И не рассказывай мне, пожалуйста, что она стоила пять рублей и что ты ради меня оторвала от сердца сбережения, которые складывала в копилку с первого класса. Я это помню, и моя благодарность до сих пор не знает границ.

– Между прочим, под ней даже пятно на обоях осталось светлое, и кое-кто, когда в первый раз пришел к тебе в гости и увидел это пятно, сказал, что здесь пора делать ремонт, и даже пообещал тебе в этом посодействовать, – и Катька выжидающе посмотрела на меня.

Я выдержала ее взгляд, не дрогнув, но к горлу подкатил комок. Ох, тошно мне стало!

Не дождавшись от меня реплики, Катька сказала:

– Я так понимаю, ремонта не будет. Раз фото Зигфрида вернулось на старое место.

Я подошла к балконной двери и вдохнула полной грудью ледяной воздух. Повернулась к Катьке и ответила:

– Не будет.

Закрыла дверь и пошла на кухню. Катька поскакала за мной:

– Вот урод! Козел! Так я и знала. Поэтому я и пришла!

– Ты настоящий друг, – грустно сказала я. – Давай поедим. Может, мне немного полегче станет.

– Мы поедим, выпьем, а еще тут у меня есть... такое, такое!

Если бы это была не Катька, а кто-нибудь другой, я бы подозрительно спросила: «Надеюсь, не фаллоимитатор?». Но это была Катька, поэтому мой вопрос прозвучал совсем по-другому:

– Ты составила новый рецепт приворотного зелья?

– Лучше! – с громадной убежденностью заверила меня Катька.

Не знаю почему, но мне вдруг страшно захотелось поверить, что на сей раз какое-то чудо наконец случится.

2

К полуночи, когда первая бутылка «Либффраумильха», опустев, отправилась под стол, а окружающие предметы слегка потеряли четкость контуров, Катька, размотав длинную цепь лирических отступлений, досказала невероятную историю своей институтской приятельницы Мишкиной, широко известной в узких кругах под именем Мыжж.

Мыжж никак не могла найти свое счастье и устроить личную жизнь. Сперва она сделала аборт от парня с соседнего потока, потом прогремела на весь институт тайным романом с профессором. Не успело роман всплыть на поверхность, как неутомимая Мыжж оставила профессора с его женой, двумя детьми и тремя внуками, ради доцента – разведенного, но, как впоследствии выяснилось, сильно пьющего. Впрочем, вскоре порвала и с доцентом – разрыв по мощности равнялся полутора тоннам в тротиловом эквиваленте – и тут же намертво завязла в пылких, но странных отношениях со знаменитым на всю страну психологом. Отношения были так сложны, что Катька, собравшись по ходу повествования посвятить меня в детали, быстро сбилась, замахала руками и бросила это бесполезное занятие. Короче говоря, все в жизни Мыжжи шло наперекосяк, пока она не открыла для себя древнюю науку под названием фэн-шуй.

– Тьфу-у-у! – я разочарованно махнула рукой. Чудес не свете не бывает, конечно. Отчего мне вдруг примерещилось, что Катька вдруг достанет из рукава волшебную палочку вместо своих обычных шарлатанских штучек?

– Ничего не «тьфу»! Ты слушай!

Мыжж досконально изучила литературу и рьяно принялась за дело – всю квартиру перекроила в соответствии с мудрым китайским учением. Несмотря на жалобы родителей и угрозы младшего брата навсегда уйти из дома, переклеила обои, передвинула мебель, переставила цветы, перевесила картины и зеркала, в своей комнате устроила даже маленькую перепланировку...

– Правда, я тебе скажу честно, там и раньше был филиал Кащенко, а теперь вообще находится невозможно. У нее теперь потолок такого ярко-розового цвета! А стены – оранжевые. И она срезала все углы.

– Это как?

– Как! Поставила из гипсокартона перегородки диагональные. Так что теперь комната стала малек поменьше, но зато у нее не четыре угла, а восемь.

Я содрогнулась.

Однако скорбные труды Мыжжи не пропали даром. Вернувшись глухой ночью от возлюбленного-психолога, она кралась к себе в комнату по темному коридору, совершенно забыв о собственноручно проведенной перестановке, споткнулась о горшок с пальмой, упала и сломала ногу.

– Вот это я называю: удача повернулась лицом!

– Да подожди ты!

В больнице Мыжж познакомилась с симпатичным, молодым, холостым, бездетным и непьющим хирургом, и они собираются подать заявление в загс, как только она научится ходить на костылях. Они даже уже отпраздновали помолвку, и он подарил ей новую стиральную машину и кольцо с горным хрусталем.

– Лучше бы он подарил ей кольцо с бриллиантом, – скептически заметила я.

– Вместо того, чтобы придирается, достала бы лучше бутылку из холодильника! И вообще, чем делать такую кислую рожу, взяла бы ручку с бумажкой и записала бы! Классный сюжет для романа, причем я дарю его тебе совершенно безвозмездно. Мыжж, я думаю, тоже возражать не станет.

– Кажется, ты забыла, что я пишу не дамские романы, а детективы, – сказала я, ставя на стол вторую бутылку и старательно протирая ее влажной тряпкой.

– Подумаешь! Всякая любовная история, если над ней хорошенько подумать... э-э-э... может превратиться в детективную. Представь себе, что Мыжж сломала не ногу, а шею. Не дай Бог, конечно, она хоть и дура клиническая, но я ее все-таки люблю... Чем не детектив?

– Несчастный случай, как и самоубийство, – прокряхтела я, закручивая штопор в пробку, – не может быть сюжетом детективного романа. Вот если бы не Мыжж, а какой-нибудь родственник... Или еще лучше психолог... сломал себе шею... и если бы это падение было подстроено, тогда – другое дело.

– Ну вот же! Сюжет и готов! И название можно дать красивое: «Убийство в стиле фэн-шуй»!

– Очень красивое название. Главное – оригинальное.

Катка недовольно покачала головой:

– На тебя не угодишь.

– Очень даже угодишь. Только не надо рассказывать мне всякую чушь про Мыжж и фэн-шуй! – выдернув пробку из бутылки, пробурчала я.

Катка надулась:

– Отлично. Про меня ты слушать тоже не желаешь?

– Про тебя как раз очень даже желаю. Но ты же меня уже час своей Мишкиной изводишь!

– Потерпи немного, сейчас и до меня, а потом и до тебя дойдем!

Я свинтила пробку со штопора и, швырнув ее в мусорное ведро, удивленно спросила:

– А я-то тут при чем?

– Всему свое время! – таинственно сказала Катка.

Итак, на прошлой неделе Катка навестила болящую Мыжж, насладились видом восьмиугольной комнаты с оранжевыми стенами и узнала о счастливых переменах в мыжжиной судьбе. Катке же похвастаться было совершенно нечем. И обои у нее в комнате были какого-то скучного песочного цвета, и личная жизнь завязла на месте, словно муха на липкой ленте, и сдвигов никаких не предвиделось. Каткин любимый мужчина всем был хорош – и умен, и мускулист, и тремя годами ее моложе, хотя и на три сантиметра ниже, и превосходно зарабатывал честным трудом сразу в нескольких ветеринарных клиниках, и души в ней не чаял, и даже дарил цветы не только на день рождения и Воссьмое марта... Но последние два месяца они совсем перестали видаться. Звонил он ей, правда, каждый день, и каждый день, услышав в трубке его усталый голос, она с ужасом ждала, что именно сегодня узнает страшную правду: он ее больше не любит... он встретил другую... он пережил духовный кризис и решил уйти в монастырь... он нашел свое счастье с другим ветеринаром, причем мужчиной... Иногда ей хотелось самой предложить ему на выбор все эти варианты и спросить, что, черт побери, происходит, но она слишком боялась услышать в ответ: «милая, я уже месяц, как женат, и все не решаюсь тебе сообщить».

И тогда Мыжж, словно какая-то фея-крестная, вручила Катке волшебную вещь.

– Какую? – спросила я, наклоняясь за упавшим с вилки куском сыра.

– Увидишь!

Таинственную вещь сама Мыжж положила в какой-то сектор Супружества – как раз перед судьбоносным падением в коридоре, – и приписывала ей невероятную магическую силу. Терять Катке было решительно нечего, не считая почти потерянного ветеринара, так что вещь она взяла, посвятила целый день поиску сектора Супружества в своей квартире, и вещь туда положила. Настроение у нее при этом было самое отвратительное, и, чтобы хоть как-то заглушить грусть-тоску, она бесперебойно поглощала чипсы, печенье, семечки и шоколадные батончики с орехами. Неизвестно, что подвело Катку – качество продуктов или их количество, но только

к вечеру ей стало плохо. Приступы жесточайшей рвоты сменялись не менее жестоким поносом, а температура взлетела до небес.

– Выползаю я из тубзика, ползу по стеночке и думаю: ну, все, помираю...

– Господи, что ж ты мне не позвонила!

– Да я позвонила, у тебя никто не отвечал.

– А мобильник на что?

– Ну, я подумала, раз тебя дома нет, вдруг у тебя личная жизнь наладилась, а я со своими болячками все испорчу...

– Вот дура! Какая, к черту, личная жизнь! Я от безысходности в книжный магазин к метро пошла, чтобы от черных мыслей отвлечься! Только деньги зря потратила...

– Вечно ты так! Одна поперлась, меня с собой позвать даже в голову не пришло!

– Так я подумала – выходные, у тебя мама в Суздале, к тебе, наверное, Марат приехал, у вас любовь и счастье, а тут я влезу, со своей ипохондрией и книжным магазином...

– И кто из нас дура, я не знаю! Таким дурам, как мы с тобой, думать просто противопоказано. Когда мы не думаем, все происходит как-то само собой, а как задумаемся, все начинаем делать через задницу. Ну, не важно... Короче, проблевалась я в очередной раз, а тут телефон звонит. Я пока до него доползла, чуть коньки не отбросила. Беру трубку – Маратик звонит! А у меня голосок – два дня до смерти, три до похорон. Он перепугался до смерти, говорит: жди, еду! А я легла и думаю: давно мне надо было отравиться... Реву и шепчу: «ну вот, хоть повидать его перед смертью!». Не надо на меня так смотреть! У меня температура под сорок была и полное обезвоживание организма. Откуда только слезы брались, не понимаю.

Марат примчался с такой скоростью, будто на метле прилетел. И тут открылось невероятное. Оказывается, он купил квартиру и ремонтировал ее в бешеном темпе, встретить там с Каткой Новый Год и сделать ей предложение!

– А так как я собиралась вот-вот отбросить коньки и рыдала в три ручья от счастья, что он не женился на другой бабе, он с перепугу сделал мне предложение, не отходя от кассы, и кольцо немедленно подарил, а сегодня мы с ним заявление в загс подали, так что можешь меня прекрасным образом поздравить!

Я взвизгнула и полезла к ней с объятьями и поцелуями, попутно смахнув на пол тарелку.

Когда мы собрали с пола пельмени и осколки, и, в меру своих скромных способностей, протерли линолеум, Катка сунула мне под нос правую руку:

– У меня-то колечко с бриллиантом, не то, что у Мыжжи! А ты – курица! Весь вечер размахиваю им у тебя перед носом, а ты даже не заметила!

Бриллиант сверкал и переливался. Я завистливо вздохнула:

– Красотища...

– А все фэн-шуй!

Может, мне тоже надо найти этот сектор Супружества и что-нибудь в него положить? Фэн-шуй, конечно, полная ерунда, и всерьез верить в него так же разумно, как искать цветок папоротника. Но с другой стороны, какая разница? Мне терять уж совсем нечего, у меня нет даже жениха-ветеринара. И вообще, никакой личной жизни, только печальные воспоминания и два опубликованных детективных романа. И еще третий, начатый, но ненаписанный, упорно не продвигающийся дальше десятой страницы.

– Ну, и что это за штука такая волшебная?

– Ага! – торжествующе сказала Катка.

Сорвалась с места и усакала в коридор, откуда вернулась помахивая сумкой. Открыла молнию и извлекла на свет божий нечто невообразимое – маленькую ярко-красную подушечку в форме сердца с золотой петелькой и белой вышивкой «I ♥ YOU».

– Это вот то самое, да? Вот та чудодейственная вещь? – на всякий случай уточнила я.

– Да!

– Все-таки тебя крепко сглазили на той тусовке с участием Верховного Шамана Камчатки, – сказала я. – А Мыжж твою, похоже, вообще в детстве уронили с крылечка.

Катка свирепо сверкнула глазами.

– Говори что угодно! Если ты сама не можешь устроить свое счастье, я сделаю это за тебя, даже если мне придется тебя отлупить и связать по рукам и ногам!

Я захихикала, а Катка снова полезла в сумку и выложила на угол стола какую-то штуку, формой и видом напоминающую то ли хоккейную шайбу, то ли баночку из-под советского черного гуталина – из тех, которые мы в детстве с удобством использовали для игры в классики, наравне с круглыми жестяными коробочками из-под зубного порошка «Особый».

– Что это? – недоуменно спросила я.

– Щас!

Еще немного порывшись в сумке, Катя достала потрепанную книжицу в мягкой обложке, сплошь покрытой какими-то значками и иероглифами. Среди иероглифов затерялась и кириллица. «Краткое пособие по фэн-шуй», прочитала я.

Катка отставила недопитый бокал с вином и ринулась из кухни в комнату. Я свое вино почему-то допила залпом и последовала за ней.

Откинулась крышечка, и то, что выглядело как банка из-под гуталина, оказалось компасом («геомантический китайский компас ло-пань», пояснила Катя). Крошечная намагниченная стрелка находилась в центре большой круглой таблицы с черточками и иероглифами – красными и черными. Основные четыре стороны света были помечены иероглифами, а промежуточные – латиницей. У меня возникло подозрение, что только латинские буквы и делали компас пригодным к употреблению. При всем моем высоком мнении о Каткиных способностях, я что-то сомневаюсь, что она успела за несколько дней даже очень интенсивных занятий выучить китайский.

Передвигаясь по комнате с нестерпимо серьезным видом, подруга бормотала себе под нос что-то про инь и янь (я обрадовалась знакомым словам) и про энергию ци (я не рискнула спрашивать, что это такое, опасаясь появления на сцене новых китайских терминов).

– Так, ну теперь все мне ясно. Вообще-то, довольно погано, что у тебя в квартире только одна комната. С точки зрения фэн-шуй исключительно вредно, что одно и то же помещение в доме используется и как гостиная, и как спальня, и как кабинет, – наконец высказалась Катка.

– Знаешь, мне тоже хотелось бы больше. Может быть, фэн-шуй решит мою проблему, и каким-нибудь образом прибавит мне пару-тройку комнат?

– Фэн-шуй – это наука, а не колдовство! – сурово ответила Катка.

Я благоразумно воздержалась от комментариев.

– Но, в нашем конкретном случае, то, что у тебя только одна комната, может быть, и неплохо. Мы быстро определим, что где находится... Так... Сектор Взаимоотношений, он же Сектор Супружества, с которым мы и собираемся работать – вот!

И Катка театральным жестом указала на мое рабочее место – однотумбовый письменный стол, на котором с трудом помещались ноутбук, принтер, лампа на гибкой ноге, стеклянная пепельница размером с добрую тарелку (вся, как уже было сказано, загаженная окурками) и три высоченных стопки книг и бумаг, одна из которых угрожающе накренилась набок, ни дать ни взять Пизанская башня, готовая вот-вот обрушиться. Справа к письменному столу был придвинут раскладной журнальный столик, на котором стоял массивный черный телефон пятидесятых годов прошлого столетия и пишущая машинка «Оптима» – ненамного моложе телефона. И машинка, и телефон были моими трофеями, добытыми лет десять назад в библиотеке редакции «Социалистического правосудия», где они пылились много лет, вместе со старыми номерами журнала, которые я по долгу службы должна была разобрать, рассортировать, занести в каталог и кое-что отдать переплести. Хищению социалистической собственности никто не препятствовал – она была давно уже списана в утиль, и оставалась в стенах редак-

ции только оттого, что ни у кого не нашлось ни времени, ни желания дотащить тяжеленную рухлядь до помойки. У меня нашлось, и рухлядь, подвергнутая несложному ремонту, оказалась отлично действующей. Жаль вот только, что бюст Сталина, переходящее красное знамя и либретто корейской оперы «Молодые сады» кто-то свистнул из библиотеки прямо перед моим носом. Телефон, конечно, служил только для красоты, а машинкой я иногда пользовалась, чтобы надписать почтовые конверты, открытки или наклейки на видеокассеты.

– Примерно что-то похожее я и ожидала увидеть! – произнесла Катя торжествующе.

Ничего еще толком не понимая, я все-таки сообразила – что-то в Секторе Супружества и Взаимоотношений создает прямую и явную угрозу для Взаимоотношений, не говоря уж о Супружестве, и мое недомыслие чревато всевозможными ужасами.

– Что, все так плохо?

– Ты ведь Дерево, как и я, – объявила Катя.

С тем же успехом, она могла выйти во двор и обратиться с этим сообщением к любому тополю или клену. Вглядевшись в мое одеревеневшее от непонимания лицо, она перевела свои слова на человеческий язык.

– Мы с тобой одногодки. Год деревянного Тигра, понятно?

– А... Ну да, – обрадовалась я.

Катя в очередной раз перелистала свою книжицу и вскрикнула:

– Вот! Вот о чем я и говорю! Слушай: «Старайтесь избегать выраженного присутствия Металла в вашей спальне, поскольку этот элемент противоположен Дереву и может привести вас к убеждению, что в дружеских или интимных отношениях нет никакой ценности». А у тебя металл – целая куча металла! – прямо-таки в самом Секторе Взаимоотношений! Мало того, ты все время работаешь здесь, то есть металл производит чертову прорву деструктивной энергии! Этой, как ее... – она опять зашуршала страницами: – ...Ша ци! Какая может быть личная жизнь, когда ты все гроишь работой!

– И что теперь делать? – почти испуганно спросила я.

– Как что?! Переставить пишущую машинку! – и Катя с изумлением посмотрела на меня. – Что я сказала такого смешного?

Я села на пол, повизгивая и подвывая от избытка чувств. Смеяться и стоять одновременно не было сил, учитывая полбутылки вина, стремительно разносимой потоком крови по моему и без того ослабленному напряженной работой организму.

– Т-ты... – наконец произнесла я, – ты сначала попробуй ее поднять! Мы когда с Артемом сперли ее из «Социалистического правосудия», он чуть не надорвался, пока ее тащил! А ведь он чемпион Москвы по пауэрлифтингу в тяжелом весе среди юниоров! И потом, допустим, ты стала чемпионом *России* по пауэрлифтингу в *супертяжелом* весе, и вообще, ты дочь Шварценеггера! Оглянись вокруг! Куда ты ее поставишь? Мне на голову?

Катка оглянулась по сторонам. Могла бы поверить мне на слово. Пузатый платяной шкаф и стеллажи с книгами съедали большую часть комнаты. Тумба с аудиосистемой, двухместный раскладной диван и кресло-кровать занимали остальную часть. А еще стоял горшок с пальмой, которую мне подарил Артем на позапрошлый день рождения, масляный радиатор, на котором в настоящий момент сушились две пары трусов, и лестница-табурет – карабкаться к полкам под потолком.

– На пол можно! – в конце концов выдала Катка.

– Извини пожалуйста, я не Мыжж! Я не готова ломать ногу, даже ради знакомства с симпатичным хирургом!

– Вот! Вот!!! Потом не говори, что нет счастья в личной жизни! Потому что счастье в личной жизни приходит только к тем, кто ради него готов на все!

– Послушай, в прошлый раз, когда ты учила меня жизни, ты велела мне носить юбку и каблуки. Я ношу! У меня мерзнет задница! Я поскользнулась и разбила колени в гололедицу! Но я ношу! И ресницы крашу каждый день! А машинку переставлять и ноги ломать – не стану!

– Ладно, – уступила Катя. – Пусть стоит где стоит. Мы посадим сердечко прямо на нее. А ты ей не пользуйся – ну хотя бы ближайший месяц. И повесь над пишущей машинкой зеркало. Оно нейтрализует негативное воздействие металла.

Я тяжело вздохнула. Катка ткнула в меня указательным пальцем:

– Я сама принесу тебе зеркало! А то опять забудешь! Заодно будешь отрабатывать обволакивающую улыбку, чтобы не отпугивать мужиков своим суровым взглядом... Так! А еще нам нужно...

Катка снова схватила за свою сумочку, в очередной раз перетряхнула ее...

– ...вот что!

И достала бумажный образок, наклеенный на деревянную основу. С образка строго смотрел миловидный крылатый юноша в длинных серебристо-белых одеждах.

– Это мы поместим в Сектор Карьеры! Потому что каждый раз, когда я слушаю твои рассказы о работе, у меня появляется по седому волоску! Немного успехов в труде тебе не повредит!

– А ты уверена, что тут нужен Ангел-Хранитель, а не Будда, скажем? – осторожно поинтересовалась я.

Катка посмотрела на меня как на умственно отсталую:

– При чем тут Будда?

– Мне кажется, он имеет больше отношения к фэн-шуй... – неуверенно сказала я. И добавила, немного подумав: – Или это должен быть не Будда, а Конфуций?

Катка махнула рукой:

– Совершенно не важно, откуда брать положительную энергию ци! Но мы же все-таки не в Китае живем! Нужно учитывать местные, так сказать, наши родные традиции!

Совершенно запутанная, я махнула рукой.

А Катка достала из сумки связку разноцветных свечей, звенящую подвеску фун-линь с пучеглазой деревянной рыбой и что-то похожее на свернутый в трубочку красный вымпел. Мне захотелось развернуть его, чтобы посмотреть, нет ли на нем портрета Ленина и надписью «За ударный коммунистический труд», и я протянула было руку, но Катка велела мне не лезть, куда не просят.

Сердечко в конце концов было повешено за петельку на край пробковой доски. Про себя я решила, что, когда Катка уйдет, закину его под стол. Какая разница, оно ведь все равно останется в Секторе Супружества, зато не будет мозолить мне глаза. И откуда только Мыжж взяла такой редкий экземпляр? Психолог ей подарил на День Святого Валентина что ли? Конечно, чего не сделаешь в надежде на счастливое устройство личной жизни, некоторые готовы даже толченых лягушек есть, но созерцать плюшевое сердце у себя под носом... Это уже перебор.

Катка поставила на письменный стол красную свечу, бормоча под нос: «а чтобы у нас получилось разрушение для ослабления, мы сюда добавим огонь», к образку поставила синюю свечку, дала мне несколько запасных и велела зажигать их каждый вечер, повесила на лампу фун-линь «песню ветра» с зеленой рыбкой, а вымпел, на котором оказался изображен совсем даже не Ленин, а устрашающего вида древнекитайский мужчина, имени которого я не запомнила, Катка повесила в коридоре. Квартира моя, и без того не очень похожая на цивилизованное жилище, приобрела совершенно дикий вид, но зато Катка испытала чувство глубокого удовлетворения, и мы смогли отправиться на кухню, где очень быстро допили вторую бутылку вина и принялись за чай, хотя Катка пыталась уговорить меня отправиться за третьей, коварно обещая ссудить меня деньгами на сигареты. Курить мне хотелось отчаянно и смертельно, каждая клеточка организма умоляла о глотке никотина, но я понимала, что если

я поддамся на Катькины уговоры, уснуть этой ночью мне так и не удастся. А мне нужна хотя бы пара часов сна, иначе я не смогу работать, и Гангрена сотрет меня с лица Земли.

– А вообще, конечно, на фэн-шуй надейся, а сама не плошай, – рассуждала Катя, запихивая в рот очередной кусок пастилы. – Откуда может взяться мужчина в твоей жизни, если у тебя один маршрут – из дома на работу, с работы домой! Если ты все свободное время либо валяешься с книжкой на диване, либо стучишь как дятел по ноуту своему! Нет, я уверена, ты прославишься, и скоро, но время-то не ждет! Кому нужна старая тетка, даже если это популярная писательница!

– Но я же еще не старая! – то ли возмутилась, то ли испугалась я.

– Не старая! А когда ты в следующий раз произнесешь эту фразу, будешь уже считаться почетной пенсионеркой! А потом помрешь, и на похоронах будут только двое!

– Ну, во-первых, ты, это я понимаю. А второй кто? – с надеждой спросила я.

– Да тот портрет, что висит у тебя над диваном, потому что других мужиков в твоей жизни не будет!

И Катька посмотрела на меня круглыми глазами. Под ее укоризненным взглядом я положила недоеденную пастилу прямо на стол и хрипло спросила:

– Ну, и что же мне тогда делать?

Лицо Катьки озарилось торжеством.

– Щас объясню! Вот смотри. Есть два типа женского поведения: Царевна-Лягушка и Золушка. Понятно?

– Ну... Примерно.

– Ничего тебе не понятно! Два типа – два жизненных сценария. Первый! Ты сидишь в болоте, вся зеленая и бородавчатая, и ждешь, когда к тебе ненароком залетит стрела, а за ней припрется какой-нибудь Иван-Царевич – и еще неизвестно, может, страшный, как моя судьба, а обычно еще и дурак такой, что от его разговоров цветы вянут и мухи дохнут, при всем том доволен собой, считает себя Аполлоном Бельведерским и твоим благодетелем, даже если стреляет у тебя денег на курево, напивается при любом удобном случае и изменяет тебе с каждой заразой, которая согласна очутиться с ним в одной койке! Можешь себе сколько угодно превращаться в Василису Прекрасную, печь хлеб, вышивать крестиком и плясать, помахивая руками – толку от этого никакого.

Нарисовав эту душераздирающую картину, Катька уставилась на меня, ожидая, очевидно, что я от ужаса ударюсь в слезы или, на худой конец, жалобно заскулю и задрожу, поскрипывая зубами. Но я вместо этого только взяла свою пустую чашку и безуспешно попыталась глотнуть из нее. Катька хмыкнула и продолжила:

– И второй сценарий! Берешь, как Золушка, судьбу в свои руки – и вперед, на бал! Побольше уверенности в себе, разумная доля таинственности, интрига какая-нибудь несложная – и принц в твоих руках! Главное – не перемудрить с исчезновениями и туфельками, а то принц – парень не семи пядей во лбу, заблудится в трех соснах, и придется самой за ним носиться, делая при этом вид, будто ваша встреча – не более, чем счастливая случайность.

– Не забывай, у Золушки был крупный блат в лице феи-крестной, – мрачно заметила я.

– Ты понимаешь все слишком буквально! Речь же не о сказках, а о моделях поведения! Довольно квакать посреди болота! Пора действовать!

– Завтра же начну! – заверила я Катьку, чтобы отвязаться, и, грациозно, как дрессированный слон, сменила тему: – Расскажи-ка лучше, кого вы с Маратом собираетесь пригласить на свадьбу...

...В пять утра, зевая с риском вывихнуть челюсть, я разложила кресло-кровать для Кати и диван для себя. Передвигаться по комнате теперь можно было только перелезая с одного предмета мебели на другой.

Даже забравшись под одеяло, Катька не оставляла попыток посеять в моей непутевой голове что-нибудь разумное, доброе, вечное. Сон оборвал ее речь на середине фразы, а я отправилась на кухню, чтобы посмотреть, не осталось ли что-нибудь съедобное неубранным в холодильник, а заодно проверить, не завалилась ли где-нибудь – ну, вдруг! – позабытая пачка сигарет.

Конечно, сигарет не нашлось. Вокруг, сколько хватало глаз, раскинулись только горы невымытой посуды. На краю кухонного стола, между грязных ножей и вилок, рядом с лужицей кетчупа, лежала Каткина волшебная книжица. Сама не зная зачем, я взяла ее и раскрыла наугад.

«Беспорядок на кухне часто отражает беспорядочное состояние финансов семьи, поскольку кухня в целом связана с элементом Воды, символизирующим благосостояние. Поэтому важно не загромождать кухню посторонними предметами и содержать рабочие поверхности в чистоте».

Пораженная тонкостью этого наблюдения, я перевернула страницу.

«Вода, спускаемая из туалетного бачка, вступает в конфликт с огненной энергией плиты».

И тогда я поняла, что учение фэн-шуй всесильно, потому что оно верно.

3

Странный звук приплыл из темноты. Какой-то отвратительный треск или скрежет. Звук знакомый до боли, но почему-то я никак не могла вспомнить, что именно он означает. Хотелось посмотреть, что случилось, но веки отказывались подниматься. Я сделала попытку встать, но тело мне не подчинилось. Вместо этого оно перевернулось на другой бок и, накрывшись с головой, поплотнее закуталось в одеяло – холодно все-таки в комнате, зима! Противный звук стал глуше, а потом и совсем смолк.

И приснился мне старый сон, много раз виденный, но давно, много лет уже не снившийся. Будто иду я по школьному коридору второго этажа, на правом рукаве красная повязка дежурной по школе – мимо меня, словно пули, проносятся младшеклассники – сворачиваю в рекреацию, и оказываюсь в актовом зале. В реальности такого произойти не могло: чтобы попасть в актовый зал нужно было спуститься на первый этаж, пройти по соединительной галерее в другой корпус школы и там снова подняться на второй этаж, – но пространственная нестыковка во сне кажется правильной и сама собой разумеющейся. Актовый зал до краев полон народа – все кресла заняты, в проходах стоят, кое-кто даже, отдернув шторы, сидит на подоконниках... А со сцены, затянутой по заднику невесть откуда взявшимися золотыми драпировками, во всю мощь гремит музыка – и сердце мое сладко замирает. Без малейших усилий протиснувшись сквозь толпу, я оказываюсь возле самого края сцены и, задрав голову вверх, смотрю на выступающих. Курносый блондинчик с гитарой лукаво подмигивает мне, но я не обращаю на него внимания, я смотрю во все глаза на солиста, томно прохаживающегося вокруг микрофонной стойки. Черные кудри по плечам, на плечах кожаная куртка с погончиками... Губы тронуты легкой усмешкой и сиреневатым перламутром, разноцветные глаза – правый карий, левый зеленый – смотрят лукаво, и все тает, тает внутри... Он замечает меня, подходит к самому краю сцены и протягивает мне руки...

– Черт побери! Господи! – взвизгивает кто-то над самым моим ухом.

Сон лопается, словно мыльный пузырь.

Я села на постели, широко раскрыв глаза. В комнате светло!

Издав придушенный возглас ужаса и отчаяния, я скатилась с дивана на пол.

По комнате, спотыкаясь о собственные ноги и стучаясь обо все углы носилась Катька.

Будильник, звонок которого я не узнала сквозь сон, злорадно показывал десять часов.

– Уже час, как я должна быть в больнице, а я что?! Ужас, ужас! – причитала Катька, лихорадочно перебирая номера в памяти своего мобильного. – Шеф с меня голову снимет.

Я подумала о собственном начальстве и содрогнулась:

– Тебе повезло. С меня снимут скальп, причем живьем.

На этой жизнеутверждающей ноте приятная беседа закончилась и начались лихорадочные сборы, сопровождаемые обычными, я бы даже сказала рядовыми событиями: поломкой ногтей и одновременным бесследным исчезновением маникюрных ножниц и пилочек, попаданием туши в глаза, а губной помады на одежду, пропажей расчески, еще минуту назад спокойно лежавшей на своем месте... Как всегда в последний момент обнаруживалось, что на одежде, брошенной вчера как попало, появились складки, разгладить которые без утюга невозможно, сапоги, не почищенные с вечера, покрыты жуткими брызгами и разводами, а времени на глажку и мытье, разумеется, нет. Про страшную проблему колготок, оказывавшихся, как назло, либо драными, либо грязными, и говорить не хочется. Воздух в квартире раскалился – не столько от четырех зажженных для тепла газовых конфорок на плите, сколько от воплей, стонов и скрежета зубовного, которые, кажется, отнимали времени даже больше, чем сами сборы.

Наполовину натянув единственные чистые колготки колготки – левая нога одета, правая колготина в руках, неловко пытающихся зашить дыру на пятке, – я пыталась дозвониться до Аглаи. Набрав номер, я зажимала мобильник между плечом и ухом и, ожидая соединения, делала несколько стежков. Когда неприятный женский голос в шестой или седьмой раз сообщил мне, что абонент недоступен или находится вне зоны действия сети, я бросила мобильник в сумку и вздохнула. Позвонить по городскому телефону я не могла – звонки в наш с Аглаей кабинет шли через секретаршу, а мне совсем не хотелось, чтобы о моем звонке донесли куда следует, то есть кому надо. Не редакция журнала, а гестапо какое-то...

Судьба моя с каждой минутой представлялась мне все менее завидной, а увольнение – все более реальным.

Я снова вздохнула, отрезала нитку и, воткнув иголку в кусок паралона, натянула колготки полностью. Огляделась по сторонам в поисках юбки, чертыхнулась, обнаружив, что все это время сидела на ней, и случайно бросив взгляд на пробковую доску, с изумлением прочитала новый лозунг:

«Дворцы – лягушкам!»

Разрази меня гром, если я помнила, когда успела заменить антискотинное нравоучение на революционный призыв в пользу земноводных. К сожалению, времени на воспоминания не было. Времени не было даже на чай и сигарету. Сигареты, впрочем, не было тоже.

Перед самым выходом между мной и Катькой произошла короткая, но ожесточенная перепалка. Случилась она в тот момент, когда я тихо и благонаравно надела ботинки на толстой рифленой подошве и принялась завязывать шнурки, надеясь, что Катька в спешке не обратит на мою обувь внимания. Но она обратила. И грозно спросила:

– Это еще что такое?

– Где? – с невинным видом отозвалась я.

– На ногах у тебя! Быстро снимай эту гадость!

Я заныла, что я просто не могу сегодня надеть сапоги на каблуках, что я упаду, что я поскользнусь... Шаги надо делать поменьше, тогда не упадешь, сказано было мне в ответ. Тогда я буду ползти как черепаха, причитала я, а я и так уже опаздываю, как черт знает кто...

– Как черт знает кто опаздывают только те люди, которые позволяют себе носить черт знает что! И эти твои гов... трактора именно и есть черт знает что! Мне кажется, твоя тайная мечта – распугать всех мужиков в радиусе десяти километров и гордо, как знамя полка, нести свое одиночество, пока не споткнешься и не упадешь в приготовленную для тебя могилу! Снимай эту гадость быстро, пока я не взяла ножницы, и не порезала твои боты на куски!

Из дома мы вылетели раздраженные друг другом и деморализованные мыслями о крупных неприятностях, ожидающих каждую из нас в самом недалеком будущем.

Как обычно в таких случаях, все оборачивалось против нас. Пятнадцать минут мы стояли на остановке, но ни троллейбуса, ни маршрутки дождаться не смогли – очевидно, весь транспорт застрял в пробке при выезде на Волгоградский проспект. Частники, даже самые проржавевшие «копейки», на призывные взмахи наших крыльев никак не реагировали. Пришлось идти пешком, так что дорога до метро, вместе с ожиданием, заняла у нас полчаса. Надо было сразу идти пешком, думала я и злобно косилась на Катьку, виновницу всего на свете.

В метро нам тоже не посчастливилось. По каким-то неизвестным общественности техническим причинам поезда следовали с увеличенными интервалами, и к нашему появлению вестибюль станции превратился в колышущееся людское море без единого островка суши. Любви к жизни и себе подобным это, разумеется, не прибавляло, особенно тем, кто, как и я, еще до спуска под землю возненавидел все на свете.

При таком настроении сил на разговоры уже не оставалось, и только когда пришло время расставаться, Катька вдруг спросила:

– Кто тебе снился? Ты с такой счастливой мордой дрыхла, жалко было будить...

– Не помню, – соврала я. Почему-то у меня язык не поворачивался признаться, что я снова видела во сне дуэт «Маркс+Энгельс», выступающий с концертом в нашей школе.

Двери вагона распахнулись, и людской поток вынес прощально машущую рукой Катюку на платформу станции «Римская».

Поезд тронулся, а я задумалась. В такой толпе очень удобно убить человека. Ножом. Быстро и бесшумно, никто даже не заметит. А потом труп, зажатый толпой, окажется на той из станций, где сойдет больше всего народа. Тут толпа поредеет, бездыханное тело упадет на платформу... Мертвые глаза широко открыты, рот перекошен... Закричат от ужаса люди, перепачканные кровью. А убийца, тем временем, будет уже далеко – безнаказанный. Обычный человек, спокойное лицо, а в кармане пальто – нож, липкий от крови... Хотя нет, нож должен остаться в теле жертвы, вытаскивать его, значит запачкаться в крови. Но оставить нож – значит оставить улику... А может, лучше не нож, а шприц? Не так мелодраматично, никаких луж крови, зато таинственно, и убийца сразу становится похож не на уголовника, а на какого-нибудь демонического злодея, вроде профессора Мориарти...

Погруженная в эти мысли, я и не заметила, как сама оказалась на платформе. Из мира грез (если можно назвать грезами планирование убийства) я вернулась на твердую землю, и сразу же вспомнила о том, что мне сегодня предстоит кое-что похуже всякого убийства – увольнение. Пустой поезд захлопнул двери и ушел, а я, подстегиваемая невыносимым ужасом, стала протискиваться к эскалатору сквозь еле-еле движущуюся толпу.

Пытаясь ускорить шаг, я нырнула в образовавшийся между двумя встречными людскими потоками узкий проход и со всего размаха врезалась лбом в грудь какому-то здоровенному мужику в черном кашемировом пальто.

– Вы что, на пожар торопитесь? – прорычала я.

– А вы куда? На ограбление? – огрызнулся мужчина и вдруг схватил меня за плечи.

– С ума сошли! – завопила я, пытаюсь стряхнуть его руки, и с ужасом обнаруживая, что мне это не по силам. – Псих!

– Варька! Вот здорово! Надо ж, как хорошо, что мой вездеход сегодня сломался! Варь, ты меня не узнаешь?

Я задрала голову – потому что иначе мой взгляд упирался в верхнюю пуговицу пальто – и, покачиваясь под давлением протискивающихся справа и слева людей, вгляделась в лицо кашемирового невежи.

Серые глаза. Темные волосы, густые, вьющиеся, хорошо подстриженные. Щеки, на мой взгляд, пухловаты, а рот – маловат. Глаза – лучшее в лице. Но лицо в целом – незнакомое. Однако, он откуда-то знает мое имя.

– Что-то не припоминаю, – хмуро сказала я.

– Ну, как же, мы с тобой в одной школе учились! Ты в шестом классе, а я в восьмом! У нас общая классная еще была, Софья Андреевна, химичка... Помнишь, как она оба своих класса, наш и ваш, водила в Пушкинский музей? Ну, ты еще уронила номерок, и он закатился за статую Давида, а я его оттуда доставал, и на меня музейные бабки накинудись, чуть на улицу не выгнали? А потом я уговорил Софью отпустить тебя со мной, и мы гуляли по Арбатским переулкам и по бульварам? Я еще тебе показывал дом, где жила Маргарита, ну, из романа? Я Никита, Никита Волков! Помнишь?

Я честно призвала на помощь память, но все каналы были заблокированы – отовсюду всплывало только «Опоздала! Пропала! Уволят!» Господи, да не помню я никакого Никиту Волкова! Классную нашу помню, конечно, а в музеи мы с ней тысячу раз ходили... О, господи, мне сейчас не до этого!:

– Простите, – простонала я. – Я ужасно спешу, совсем нет времени, правда!

И снова попыталась освободиться. Он отпустил меня и, не отступая с моей дороги, достал из-за пазухи визитную карточку:

– Позвони, как только сможешь. Позвони сегодня, обязательно! Хорошо? Я буду ждать!

Я торопливо закивала: да-да, конечно. В эту минуту я готова была пообещать ему все, что угодно, согласилась бы, даже если бы он предложил мне принять участие в экспедиции на Марс. Визитку я записнула во внутренний карман сумки. И к тому моменту, когда эскалатор поднял меня наверх, напроць забыла и о карточке, и о ее владельце. Впереди меня ждал мрак, отчаяние и геенна огненная.

Рассудив, что двум смертям не бывать, а одной не миновать, я купила в подземном переходе сигарет на последние деньги, стараясь не думать о том, на какие шиши я буду сегодня питаться, и, в свете грядущего увольнения, удастся ли мне вообще поесть в ближайшее время, или об этом приятном и полезном занятии стоит забыть, как о мелкобуржуазном пережитке прошлого?

Выйдя из перехода, я дрожащими руками распечатала пачку и торопливо зачиркала зажигалкой. Жадно затаилась, глядя на вывеску, изображавшую гигантский – в человеческий рост, не меньше – улыбающийся зуб в заливчатски сдвинутой набекрень докторской шапочке с красным крестом.

Черт бы даже с ним, с увольнением, пролетариату нечего терять, кроме своих цепей, но Гангрена ведь не уволит меня сразу – нет, такого удовольствия она мне не доставит! Она примется терзать меня, как орел Прометееву печень, жечь, как пропитанная кровью шкура Немецкого льва жгла плечи Геракла, превратит меня в паука, как Афина Паллада – Арахну... Короче, вся любимая мной с детства древнегреческая мифология, пересказанная профессором Куном, блекнет в сравнении с тем, что день грядущий мне готовит... Поэтому я, как всякий приговоренный к смерти, имею право на последнюю прихоть. Конечно, хотелось бы устроить небольшой пир с ананасами и рябчиками, но раз ни того, ни другого сегодня не завезли, обойдусь, так уж и быть, сигаретой...

Нырнув под зуб и потянув на себя тугую металлическую дверь, я очутилась в небольшом фойе. Металлические стрелки-указатели гласили: прямо пойдешь, в дерьмо попадешь (добро пожаловать в сортиры – справить нужду, помыть руки, покурить у заключенного черного хода), направо пойдешь – без зубов останешься (клиника «Мультидент», лечение, протезирование, исправление прикуса и прочая, и прочая, и прочая... бороды стрижет и кровь отворяет...), налево пойдешь – голову потеряешь (редакция информационно-развлекательного дайджеста «Событие!» – сплетни, сенсации, кулинарные рецепты) ... И я повернула налево.

Печально улыбнулась охраннику и помчалась по коридору.

Старейший сотрудник редакции Манечка Сергевна, бессмертная, словно Дункан Маклауд из клана Маклаудов, помахала мне рукой из своего кабинета и забарабанила по клавишам. Раньше Манечка Сергевна была машинисткой, а теперь стала наборщицей. Набирала она статьи из журналов, которые мы собирались перепечатывать в нашем дайджесте, а уже потом над этими статьями принимались трудиться редакторы – Аглая и я. Конечно, Манечку Сергевну держали в штате совсем не ради нас. В конце концов, существуют же программы для сканеров, распознающие тексты, да и на программы совсем не обязательно было бы тратить, редакторы могли и сами бы набирать эти тексты, не развалились бы. Но наша главредша Гангрена была на «вы» с компьютером и к тому же носила длиннющие ногти, отчего ей не только набирать текст самой, но даже и резолюции подмахивать была мука мученическая. Красота, как известно, требует жертв, иногда даже человеческих. Поэтому все необходимое она диктовала Манечке Сергевне – а та печатала со скоростью мысли – а потом отдавала все тем же редакторам.

Спотыкающейся походкой смертника, идущего на казнь, вошла я в крошечный, словно чулан, кабинетик в котором с превеликим трудом помещались два письменных стола, заваленных бумагами и кипами глянцевого журналов с торчащими между страниц разноцветными закладками. По стенам висели полки, забитые папками всех сортов и видов – от классических

скоросшивателей советских времен с уродливой надписью «Дело №» на серо-буrom картоне до ядовито-розовых файлов на резиночках и папок с хитрыми, как швейцарские часовые механизмы, держателями внутри и фотографиями нью-йоркских пейзажей и тропических рыб снаружи. Под грузом архива все полки как-то прогнулись и скособочились, и мы с Аглаей с нетерпением ждали, когда они обвалятся, а их содержимое упадет нам на головы. Даже если Гангрена – известная жмотина – откажется выдать нам пособие по инвалидности, парочка месяцев на больничном каждой из нас наверняка обеспечены.

– Какого черта у тебя не работает мобильник? – простила я, разматывая шарф, пытаюсь бросить его на спинку кресла и как всегда промахиваясь.

Аглая подняла глаза, сделала потише радио, переругивавшееся само с собой на два голоса, и не замечая нестерпимой душевной муки, до неузнаваемости искажившей мое некогда прекрасное лицо, ехидно заметила:

– Все-таки нахальство – второе счастье! Я вот скромно опоздала на сорок минут, но опаздывать прямо сразу на полтора часа... Совесть есть?

– А что за удобный случай? – удивилась я, чувствуя, как с лица сама собой сходит могильная бледность.

– Ты хочешь сказать, что ты опоздала нечаянно? – Аглая округлила и без того не узкие глаза.

Я, не снимая дубленки, обессилено повалилась в кресло и только кивнула в ответ.

Аглая покачала головой:

– Обалдеть можно! Похоже у тебя ангел-хранитель с во-от такими крыльями! – она широко раскинула руки. – Но одновременно и во-от такой склероз! Сегодня же светлый праздник!

Я выпрямилась в кресле. Образок с Ангелом-хранителем... Сектор Карьеры... Послушайте, но это же бред...

Аглая, заметив некоторую остекленелость, появившуюся в моем взоре, поинтересовалась, все ли со мной порядке.

– Да-да! – с преувеличенной бодростью в голосе отозвалась я. Сумасшествие все-таки явно заразная штука, что бы там не заявляла по этому поводу наука. Вечер в обществе свихнувшейся подружки явно повредил моему душевному здоровью. – Так что, какой там у нас светлый праздник?

Аглая посмотрела на меня сочувственно:

– Нет, ты что, серьезно не помнишь? Нам всю неделю полощут мозги – то Лидочка, то Фиш...

– Ой, мамочка милая...

Кажется, я вспомнила. Но на всякий случай спросила:

– Так у Гангрены что, сегодня день рождения?

– Невероятно! Прямо как в «Санта-Барбаре»! После семи лет комы Си-Си Кепвелл пришел в сознание и вспомнил номер своего счета в банке... Кстати, по случаю именин сердца у нас сегодня случилась преждевременная зарплата.

– Ух ты! – взвизгнула я.

– Но она на этот раз меньше, чем обычно.

– Почему это?

– По кочану. Мы же должны сделать подарок Гангрене...

– Опять вычли из зарплаты? Как удобно. И почему нынче праздник?

– По пятьдесят долларов.

Я так и подпрыгнула:

– Пятьдесят-ат? Но в прошлом же году было двадцать?!

Аглая пожала плечами:

– Запросы растут. Привыкай.

Не в силах смириться с потерей пятидесяти долларов, я долго выражалась нехорошими словами, а потом заявила, что знаю, как потратить собранные средства с наибольшей пользой и приятностью. Надо нанять киллера, который навсегда избавит редакцию от тяжелой обузы, и у нас еще наверняка останутся деньги на веселые поминки. Аглая шипела на меня, воровато оглядывалась и ликующе хихикала.

Итак, главного редактора, нашей любимой Гангрены в редакции не было и не предвиделось. Более того – с начала рабочего дня она позвонила только один раз, причем – потрясающий, редкий случай! – воспользовалась телефоном не для того, чтобы выяснить, кто где находится и чем занят, вернее, кого нет на месте и что не сделано (а после поставить каждому клизму по результатам проверки). Она позвонила, чтобы сообщить, что ждет всех нас в ресторане «Карагез» в пять часов вечера. И это при том, что рабочий день у нас обычно заканчивается никак не раньше шести, и тот из сотрудников, кто без должной сноровки и умения пытается удрать раньше, излавливается бдительной Гангреной собственноручно, предается публичной словесной порке, и после не одну неделю норовит засидеться в любимой редакции до полуночи. Сама Гангрена появляется и исчезает, когда хочет, но начало и конец рабочего дня – ее любимое время и любимый аттракцион, который она старается не пропускать без необходимости.

Не было никаких сомнений в том, что образок, помещенная в Сектор Карьеры, действовал самым чудотворным образом. Обычно, именно мои опоздания вызывали наибольший общественный резонанс, и именно мои, даже самые мелкие оплошности приравнивались к семи смертным грехам, совершенным одновременно. Там где другие проходили по лезвию бритвы, я поскальзывалась на банановой кожуре.

Окрыленная начавшимися чудесами, я отправилась в бухгалтерию, расписалась в ведомости напротив скудной суммы, получила три фиолетовых бумажки и, спрятав их в кулаке, пошла к замглавреда – Филиппу Ипполитовичу Шувалову, в просторечии Фишу (хотя походил он скорее не на рыбу, а на крупную жабу). Замглавного в делах редакции участия почти не принимал, зато носил на лацкане засаленного пиджака значок с щитом и мечом и надписью «70 лет ВЧК-КГБ», а в случае необходимости мог, полистав ветхую, распадающуюся на отдельные страницы, набитую разноцветными бумажками и карточками записную книжку, набрать такие номера и назвать на ты таких Игорей и Коль, что у понимающих людей захватывало дух и закладывало уши. За эти магические способности он и получал от Гангрены неплохую зарплату.

При моем появлении Фиш неторопливо прикрыл газетой с наполовину решенным кроссвордом какой-то глянцевого журнала с не вполне одетыми девицами. Звеня ключами, открыл сейф, в глубине которого смутно угадывались очертания пузатой коньячной бутылки, и, немного пошуршав, достал пухлый конверт, подписанный моей фамилией. Увы, пухлость конверта объяснялась не значительностью лежащей в нем суммы, а всего только небольшим номиналом купюр. Я подошла поближе, изо всех сил надеясь, что на этот раз привычный ритуал не повторится. Тщетно. Вместо того, чтобы отдать мне конверт, Фиш заглянул в газету и прочитал:

– «Поэт-декадент, воспевавший бледные ноги», – вопросительно поднял на меня глаза: – Шесть букв, последняя «в».

– Брюсов, – кротко отозвалась я.

Переложив конверт из правой руки в левую, Фиш взял ручку и вписал слово в клеточки.

– Подходит!

Выйдя за дверь с прижатым к сердцу заветным конвертом, я в который раз спросила себя, останусь ли я без зарплаты в тот день, когда не смогу разгадать нужное слово? И в который раз не нашла ответа...

– Предлагаю по случаю падения на наши головы золотого дождя сходить пообедать в «Иль Ресторанте», – сказала я, распечатывая конверт и заглядывая внутрь.

Предчувствие меня не обмануло – конверт был полон сторублевок, потертых и мятых.

– А тебе не кажется, что разумнее было бы немного поголодать, чтобы побольше съесть на Гангренином дне рождения? – ответила Аглая.

– Я пока вообще не уверена, пойду ли я на этот праздник жизни. Уж больно велик соблазн провести хотя бы один будний день, не созерцая Гангренину физиономию.

– Господи, да кто тебя просит на нее смотреть? – удивилась Аглая. – Там народу будет до фи́га, мы с тобой отси́дем от нее в самый дальний угол, наведем салатиков повкусней, рыбки какой-нибудь красненькой, икорки там, осетринки!

– Ты и меню знаешь? – поразила я.

Аглая захлопала длинными, идеально загнутыми ресницами и с невиннейшим видом произнесла:

– Да она меня к себе вызывала, а меню у нее на столе лежало. Я же не виновата, что у меня зрение хорошее! Я даже знаю, кто у нее на дне рождения петь будет!

– Пласидо Доминго? – с надеждой спросила я.

– Ага! И Хосе Каррерас с Лучано Паваротти впридачу! Гангрена, она к народу близка, понимаешь? У нее будет выступать простая русская девушка Лена Берендей!

Я сморщилась, словно мне на язык попала лимонная кислота:

– Ну вот, теперь-то я уж точно не пойду! Я ее нетленный шедевр под названием «Фигли-мигли» без содрогания слышать не могу!

Аглая всплеснула руками:

– Нет, вы только подумайте! Кого я вижу перед собой! Эстетку! Можно сказать, музыкального гурмана! Видите ли, жульен встанет у нее поперек горла, если она услышит песню, которая все лето не опускалась ниже пятого места в хит-параде «МузТВ». Подумайте, какая цаца! А сама млеет при одном звуке...

– Аглая! – предостерегающе сказала я.

– ...сиропно-сладкого голоса...

– Аглая! – я угрожающе шарила по столу в поисках тяжелого предмета.

– ...Зигфрида Энгельса, – продолжала Аглая, мерзко хихикая. – Того самого Зигфрида Энгельса, про которого еще в восемьдесят девятом году «Музыкальная хроника» написала, что его манера пения воплощает в себе худшие черты западной популярной музыки, насквозь пропитанной духом наживы и чистогана!

– Да, помню эту статейку, – задумчиво сказала я. – Фотографию из нее я вырезала, а остальной журнал вынесла во двор и сожгла. Еще и сплясала на пепле... А ты-то откуда все знаешь? Шпаришь прямо наизусть!

– Ну, не одна же ты любила дуэт «Маркс&Энгельс». Я, хотя уже девица на выданье была, тоже увлекалась зарубежными коллективами. Я статью всю целиком вырезала и положила под стекло на письменном столе. Фотографией любовалась, а статью перечитывала, когда плохое настроение было, и ржала. Я не такая чувствительная, как ты. Ты ведь у нас, поди, за Зигфрида замуж собиралась по достижении брачного возраста...

– Как можешь ты насмеяться над самыми светлыми чувствами! Посвятить на святое – любовь моей пионерской юности!

– Да-да! И комсомольской зрелости! И беспартийной старости!

– Между прочим, в комсомол я не вступала! – заявила я. – Потому что как раз отменили пятую статью Конституции!

И швырнула в Аглаю ластик – ничего тяжелее не нашла. Аглая поймала ластик на лету и бросила обратно. Я пригнулась и ластик, просвистев мимо уха, ударился о стену за моей спиной и отпрыгнул куда-то под стол. Аглая тем временем говорила:

– Я понимаю, что ты просто ищешь повод, чтобы пропустить вечеринку, и таких поводов можно накопать вагон, но есть маленькая тележка, а в ней довод в пользу того, чтобы пойти, и этот довод перевешивает все поводы!

– Назови же мне его, мудрейшая из мудрых! – кряхтя, отозвалась я из-под стола. – А заодно поведай мне, о волшебница, куда улетел из-за тебя чертов ластик!

– Всякий, кто без нужды выпускает из рук принадлежащую ему вещь, рискует потерять ее навсегда! – назидательно провещала Аглая. Мудрое высказывание поразило меня в самую макушку – я стукнулась головой о ножку стола и тихонько прошипела несколько любимых ругательств, приводить которые здесь не решусь из-за их сугубой неблагозвучности.

– А довод такой, – не обращая внимания на мои словесные экзерсисы, глаголила Аглая (мизансцена много теряла от отсутствия кафедры и графина с водой). – Пора тебе начинать возвращаться в приличном обществе!

Охая и отряхиваясь, вылезла я из-под стола, положила ластик в лоточек для канцелярских мелочей, и с недоумением уставилась на Аглаю:

– Ты хочешь сказать, моя жизнь не может считаться полноценной, если я не возвращаюсь в обществе Гангрены?

– Отцепись от Гангрены! Сама по себе она нам задаром не сдалась! Но ведь на ее дне рождения будет куча мужиков – богатых, интересных, а может, даже и неженатых!

– И все они, как один, сгорают от желания познакомиться со мной, – хмыкнула я.

– А может, они и впрямь начнут сгорать! Но для этого им надо тебя увидеть! Ведь ты как мышь какая-то – сделаешь два шага из норы – и бегом обратно!

Помнится, не далее, как вчера, я уже слышала очень похожую песню. Только в той песне меня называли не мышью, а лягушкой.

– Не мышенок, не лягушка, а неведома зверушка, – пробормотала я.

– Что? – не поняла Аглая.

– Я говорю: на черта я сдалась богатым мужикам, особенно неженатым? Зачем я им?

– Затем же, зачем и бедным, – объяснила Аглая. – И запомни: как только ты начнешь считать себя умницей и красавицей, в это поверят все вокруг, а не только те, кому умницей и красавицей кажутся все бабы старше пятнадцати и моложе пятидесяти пяти лет. А как только ты поймешь, что мужчина должен не только болтать и тащить тебя в койку, но еще и как-то по-другому проявлять свои чувства, ты сразу сможешь найти себе подходящего мужика...

Я открыла рот, чтобы сообщить Аглае, что наши с ней представления о подходящем мужике кардинально различаются. Чего стоит хотя бы вчерашняя дискуссия по поводу растительности на мужской груди. Аглая ратовала за хорошую густую шерсть, а я морщилась и заявляла, что обезьянам место в зоопарке, а не в постели с женщиной, и в какой-то момент в глазах Аглаи мне почудилось мучительно сдерживаемое желание двинуть меня сумкой. Много чего могла я сказать, но вместо этого только спросила:

– Так ты идешь в «Иль Ресторанте»?

Аглая посмотрела на часы, на мгновение призадумалась, махнула рукой и, достав косметичку из сумки, пошла к зеркалу, чтобы освежить макияж. Я хотела, по обыкновению, пренебречь этой полезной процедурой, но перед моими глазами внезапно встало укоризненное лицо Катки и снова прозвучали вчерашние слова, сказанные за несколько минут до погружения в сон: «Если тебе лень потратить пять минут на то, чтобы выглядеть привлекательной, как ты можешь рассчитывать на то, что какой-то мужчина захочет потратить несколько часов, не говоря уж о днях и неделях, на ухаживания за тобой? А что касается долгой жизни вдвоем и смерти в один день, об этом не стоит и мечтать!». Вздохнув, я вооружилась карандашом для глаз и зубной подводкой и провела реставрацию лицевой росписи. Для довершения образа несколько раз прошла по волосам массажной щеткой, чтобы ликвидировать беспорядок в прическе, вызванный интенсивными поисковыми работами под столом.

Конечно, все это зря, но хотя бы совесть моя чиста – и перед Катькой, и перед мужчинами.

4

Только не надо думать, что рядовые сотрудники журнала «Событие!», вроде нас с Аглаей, по уровню доходов относятся к так называемому среднему классу и по такому случаю могут позволить себе ежедневно питаться в таких заведениях, как «Иль Ресторанте». Во-первых средний класс, как известно, выдуман журналом «Анонс» и программой «Надысь», а в природе распространен примерно как снежный человек – кто-то видел следы, кто-то слышал рев, но чтобы поближе подойти, за ручку поздороваться, фото на память сделать, не говоря уж о поимке и триумфальной доставке в Московский зоопарк – такого ни разу не случилось. Во-вторых, зарплата в журнале «Событие!» – тема отдельная, исполняется печально, с нотами безысходности. Гангрена, как всякая деловая женщина, обладает, по отзывам видных представителей отечественного издательского дела, невообразимым количеством похвальных качеств, вполне достаточным, чтобы причислить ее к лику святых еще при жизни, однако щедрость в число оных добродетелей, к сожалению, не входит. Получаем мы все заметно меньше, чем собратья по цеху, трудящиеся в других изданиях. Поэтому обеды наши обычно проходят прямо в редакции «События!» и представляют собой гармоничную комбинацию растворимых каш и принесенных из дома бутербродов. Манечка Сергевна иногда пытается угостить кого-нибудь курицей, запеченной в фольге, но меньше нее в редакции получает разве что курьер, так что все, имеющие совесть, стыдливо отказываются. Тогда, зажав подмышкой фольгу с загубленной птицей, Манечка Сергевна отправляется в кабинет Фиша, где они запираются вдвоем, а после обеденного перерыва приступает к работе с удвоенным энтузиазмом, и каждому, кто заглядывает в ее закуток, в нос ударяет крепкий запах мятных конфет и пробивающийся сквозь мятку отчетливый аромат недавно выпитого коньяка. Иногда коньяка оказывается слишком много, и тогда Манечка Сергевна, случается, в пылу работы ставит пальцы не на опорный ряд клавиатуры, а выше – или ниже. Получившуюся в результате такой слепой печати абракадабру она с полнейшей безмятежностью называет «набор букв!» и за секунды все переделывает. А мы с Аглаей, унылые и трезвые, тем временем старательно моем в туалете перепачканные кашей бульонные чашки.

Аглаино долготерпение объяснимо. Ее семья существует за счет доходов мужа – преуспевающего дизайнера интерьеров. А я... Со мной все сложнее. Как вы уже догадались, я сочиняю детективные романы и мечтаю, что в конце концов у меня получится бестселлер, отчего я прославлюсь и страшно разбогатею. Однако у того, кто все вечера – а иногда и ночи напролет проливает воображаемую кровь, путает следы, подбрасывает улики, нет ни желания, ни сил вкладывать душу в карьеру редактора, тем более перебегать из одного журнала в другой. Надеяться на грядущее повышение зарплаты, которое я заслужу неустанным и плодотворным протиранием брюк и юбок на вверенном мне Гангреною трудовом посту, куда проще, чем искать себе другое место. Надежда слабеет с каждым днем, буквально стоит одной ногой в могиле, но пока она, закатив глаза, не сложила руки на груди, не окоченела и не покрылась трупными пятнами, я продолжаю работать в «Событии!».

Иногда, зажата толпой в вагоне метро, я представляю себе, как стала известной писательницей, как я выхожу из красного «Мерседеса» – непременно красного! мечты моего детства! – возле какого-нибудь модного ресторана, где за каждым столиком сидит по две-три знаменитости, и все знаменитости начинают выворачивать шеи, увидев меня, а за одним из столиков сидит Гангрена и, увидев меня, от зависти и потрясения насмерть давится фуа-гроем, или что они там едят, в своих модных ресторанах...

А потом наступает ночь, и я, закрывая глаза, думаю о том, что нет ничего на свете вульгарнее красного «Мерседеса», что я никогда не пойду в модный ресторан, потому что боюсь официантов, что знаменитости ни за что не узнают меня, потому что большинство из них не

читает ничего, кроме меню и надписей на ценниках, и что, наконец, обскакать Гангренау кишка у меня тонка, потому что железные леди не ржавеют.

Особенно, если на самом деле они из нержавеющей стали.

Лет пятнадцать назад, втянув чутким носом запахи, принесенные ветром перемен в редакцию солидного, но скучного журнала «Бытовая химия», молодой специалист Галина Гремина, не проработавшая в редакции и года, предложила главному редактору на свой страх и риск затеять издание ежеквартального приложения к журналу. В приложении публиковать переводы детективов и фантастики – об авторских правах тогда и разговоров не было, так что идея была беспроектная. Любители дефицитного развлекательного чтения оформляли бы подписку на журнал ради приложения, а то, что двенадцать номеров журнала наверняка отправлялись бы в помойку, вряд ли кого-нибудь огорчило бы. Слава богу, бумажная промышленность у нас работает отлично. Главный редактор, выслушав Гремину, похмыкал, повертел в руках очки с толстыми линзами, водрузил их обратно на крупный лиловый нос и пообещал поговорить с вышестоящими инстанциями. Инстанции проект одобрили и выделили газетную бумагу и типографию. А вот денег на оплату труда не нашлось. Вероятно, инстанции решили, что альманах «События в мире быта» – такое неуклюжее название закрепилось за новорожденным приложением – будет выпускаться сотрудниками «Бытовой химии» в порядке развлечения в часы личного досуга. Сотрудники придерживались другого мнения, и вся работа свалилась на плечи Греминой.

Гангрена выдержала. Работала сутками. Неделями ночевала на раскладушке в редакции. Похудела на десять килограммов. Легенды о тех временах до сих пор передаются из уст в уста. Говорят, часть денег, выделенных на бумагу, осела в ее карманах. Рассказывают, что материалы для журнала она добывала всеми возможными способами, законными и не очень. И еще много, много чего шептались друг другу недобрые голоса – и шепчут до сих пор. Но точно известно только то, что Гангрена в одиночку выпустила тринадцать номеров приложения и в два раза подняла тираж «Бытовой химии».

Но судьба «одного из старейших и авторитетнейших журналов Советского Союза» была решена, и никакие альманахи не могли ему помочь – впрочем, так же, как и самому Советскому Союзу. Для плаванья в бурном море рыночных отношений, в котором с большим или меньшим успехом барахталась пресса на заре ельцинской эпохи, «Бытовая химия», не годилась, поэтому в конце концов села на финансовую мель и разлетелась на мелкие досточки при первом же шторме. А когда мутная вода схлынула, из прибрежных волн, словно Венера из пены морской, появился дайджест «Событие» (восклицательный знак в конце названия возник лет через девять, на пороге нового тысячелетия, незадолго до моего прихода). На капитанском мостике под черным флагом с черепом и скрещенными костями стояла торжествующая Гангрена.

Что до прозвища, то оно приклеилось к ней незадолго до безвременной кончины «Бытовой химии». В те легендарные времена редакция журнала, в отличие от нынешних, рукописи возвращала, да еще их и рецензировала – руками многострадального молодого специалиста Греминой, которой приходилось вступать с авторами в переписку и телефонные переговоры. Беда в том, что среди подопечных Греминой было немало людей не только творчески окрыленных, но и психически поврежденных. Один из таких неизвестных широкой общественности гениев заваливал «Бытовую химию» статьями, в которых поднимал такие животрепещущие вопросы, как превращение человеческих фекалий в полезные, а главное – вкусные пищевые продукты. Гремина мужественно прочитывала статьи и возвращала их автору с подробно мотивированным отказом. Когда отказ доходил до гения, тот звонил Греминой и жаловался на происки мировой закулисы, задумавшей уморить человечество голодом, и недалекость «Бытовой химии», не желающей придти человечеству на помощь. Итогом бесед и переписки стал необъявленный визит гения в редакцию.

Из одежды на гении имелись черные семейные трусы до колен, драные кеды без шнурков и грязный медицинский халат. Еще в коридоре он начал орать во все горло требуя показать ему «ту гангрену», которая продалась масонам и сионистам. К счастью, услышав вопли психа, Гремина тут же узнала до боли знакомый голос и успела своевременно спрятаться в женском туалете. Вопящего и извивающегося психа вывела подоспевшая вовремя милиция, а главные редакционные кобры подобрали оброненные в пылу битвы бумажки и взглянули повнимательней на подпись Греминой.

Подпись начиналась с инициала Г, за которым следовал первый слог отчества – «Ан», а за ним – первый слог фамилии: «Гре». Заканчивалась подпись росчерком с петелькой, словно нарочно принявший форму слога «на». По редакции прокатились смешки.

Гремина поняла свою ошибку и сменила подпись, но было поздно. Прозвище приклеилось намертво. Сдается мне, что, потерпев неудачу в попытках избавиться от него, она решила действовать по-другому и приложила все усилия, чтобы как можно полнее ему соответствовать. В чем и преуспела.

В ожидании пиццы Аглая укрепляла здоровье свежесжатым апельсиновым соком, а я, наоборот, портила: легкие – сигаретой, желудок – ядовитой американской газировкой. Вообще-то, я с куда большим удовольствием выпила бы горячего чая, но почему-то не решилась сделать такой заказ перед едой. Как уже было упомянуто, я боюсь официантов.

– Жаль, что Гангрена не устроила праздник в своем новом коттедже на Алтынном шоссе! – мечтательно помешивая трубочкой в стакане, говорила Аглая. – Представляешь, сидеть в огромном зале, где в камине, потрескивая, горит целое дубовое бревно... В окна стучат заснеженные еловые лапы, с ветки на ветку перепрыгивают белки и клесты... Радужная хозяйка сама разливает по глиняным кружкам глинтвейн из огромной медной кастрюли... На стол ставят молочного поросенка... А потом нас оставляют ночевать в комнатах для гостей, где стоят антикварные кровати с никелированными шарами на спинках и бабушкины сундуки, застеленные шальями!

Аглая мечтательно вздохнула, а я посмотрела на нее подозрительно:

– Что это на тебя за фантазии такие напали? Гангрена в образе какой-то лесной феи! Ты, часом, не заболела?

– Поздоровей тебя буду! Я, в отличие от некоторых, держу руку на пульсе событий. У меня муж выписывает все журналы по дизайну, какие только существуют в природе, и поэтому наша спальня скоро превратится в склад, а спать мы будем в коридоре под вешалкой. И вот в новом номере «Домашнего уюта» напечатали огромный репортаж о Гангрене, который я тебе и пересказала. Там еще рассказывалось об архитекторе, который этот дом построил, такой весь из себя, чуть не единственный из наших, который котируется и за границей, он в Монте-Карло построил особняк какому-то теннисисту, то ли первой, то ли второй ракетке мира, а еще он строит театральный центр где-то в Германии, только я не помню – где... У мужа моего этот архитектор прямо идеал всей жизни, прямо так и говорит, если бы у меня был выбор, познакомиться с Дженифер Лопес или с... этим... как его... Короче, он плюнул бы на Лопес, а выбрал этого своего... ну, не важно! Я бы честное слово, решила бы, что мой муж гей, если бы он каждую ночь по несколько раз не доказывал мне обратное... – Аглая кокетливо закатила глаза. – Но на этого архитектора он прямо готов молиться... Черт, как же его фамилия... Какая-то очень простая, и я ее все время забываю поэтому.

– Наплевать мне, как его фамилия. Я на особняк себе пока не заработала, даже на Алтынном шоссе, а не то что в Монте-Карло... Черт! Ты мне весь аппетит испортила своей лесной блядью. И эта выдра еще вычла с нас по пятьдесят долларов на свой распроклятый день рождения!

– Нельзя быть такой мелочной, когда тебя грабят, моя дорогая. Надо говорить себе: а могли бы и ножичком пырнуть!

– Угу, прям не знаю, кому сказать спасибо, что жива! А что, мы приносим Гангрене такую прибыль?

– Честное слово, мне иногда кажется, что ты откуда-то свалилась – не с луны, так с пятого своего этажа. У Гангрены, кроме нас и нашего журнала, есть еще маленькая, но славная риэлтерская компания. Ну очень маленькая! Но очень элитная! И приносит ну очень большие деньги. Понимаешь?

Вместо ответа я затушила сигарету и, тяжело вздохнув, посмотрела в окно. Шел густой снег. Автомобили на Садовом кольце стояли в глухой пробке, и я не без злорадства думала о том, что и сама Гангрена, и ее именитые гости не смогут вовремя попасть на праздничную вечеринку.

К счастью, раздумья мои прервал официант, принесший нам пиццу. Одну на двоих, но очень большую! Разрезанную на шесть частей, с двойной порцией сыра, с беконом, с кусочками салями, перца, томатами... пышущую жаром... О-о-о!

Каждая из нас перетасила по сегменту пиццы на свою тарелку и проглотила первую порцию довольно быстро, в молчании, прерываемом лишь похожими на урчание междометиями, выражающими беспредельное наслаждение.

– Все из-за тебя, – томно сказала Аглая, втыкая вилку во второй кусок. – Я обожрусь и вдобавок разжирею!

– Ничего, не разжиреешь, – глухо и нечленораздельно отозвалась я. Разговаривать по-человечески мешал рот, плотно забитый пиццей.

– Не суди о других по себе! Ты лопаешь сколько влезет и никогда не потолстеешь – ну хоть чуть-чуть, чтобы меня порадовать! Я мечтаю разрезать тебя и посмотреть, что у тебя такое внутри, как тебе удастся так много есть и оставаться тощей!

– Ну вот, я раскрыла секрет Джека-Потрошителя. На самом деле это была тетка, помещенная на похудании.

Аглая захихикала и взялась за баночку с сыром. Наблюдая за тем, как она щедро посыпает пиццу мелкой пармезановой стружкой, я размышляла. А что если, скажем, перемешать пармезан с ядом? У кого имеется возможность подбросить яд жертве? Конечно, у официанта, подкупленного, разумеется. Но зачем кому-то понадобилось убивать Аглаю? А может, жертвой должна быть совсем не она, а кто-то, кто должен был сидеть за этим столиком? Например, невзрачный человек со значком в виде звезды и меча на фоне щита, бывший сотрудник органов госбезопасности, слишком много знавший? Но кому была выгодна смерть отставного гебиста? Гангрене? Или ниточки тянутся в высшие сферы, где зреет заговор с целью смены существующего строя?

Политический детектив на глазах превращался в мрачную антиутопию, когда я отбросила сюжет о ядовитом пармезане, как совершенно ни на что не годный, разжилась третьей порцией пиццы и перед тем, как приняться за дело, сделала большой глоток ледяной газировки.

Внезапно в одном из зубов нижней челюсти, справа, где-то в самой глубине рта что-то то ли щелкнуло, то ли треснуло, и в глазах у меня вспыхнуло ослепительное пламя. Это была боль, такая острая, что все вокруг меня разом провалилось в густой туман...

С душераздирающим стоном я схватилась за щеку...

Перепуганный голос Аглаи, спрашивающий, что со мной, глухо донесся откуда-то из-за тридцати земель...

– Жжуууп! – корчась, промычала я.

Волны боли расходились от зуба во все стороны. Казалось, голова сейчас разлетится на части...

– Откройте рот! – скомандовал незнакомый мужской голос.

Я изумленно уставилась на говорившего, но разглядеть его все равно толком не могла – боль, словно кривое зеркало, искажало все вокруг до неузнаваемости. Бедный мозг, охвачен-

ный смертельной тоской, отказывался реагировать на что-либо, кроме разрывающей боли в зубе... До моего сознания дошли только самые яркие пятна – светлые волосы незнакомца и красный шарф у него на шее.

– Да не глаза, а рот, рот откройте!

Незнакомец, довольно бесцеремонно оттянув вниз мой подбородок, полез пальцами мне в рот.

– А-а-а!

Никогда бы не подумала, что могу орать таким противным голосом.

– Ну, все ясно. Где ваша шуба или что у вас там? Одевайтесь и пошли со мной!

– Куда? – хором спросили мы с Аглаей.

– Голову ампутировать! – рявкнул блондин в красном шарфе и полез в карман.

Пока я надевала дубленку, до меня донеслись какие-то препирательства Аглаи с блондином, но вникать в их смысл у меня не было ни сил, ни желания.

Блондин взял меня под руку и ободряюще сказал:

– Не бойтесь, у меня еще не было смертельных случаев. Если что, вы будете первой.

Когда мы перешли через дорогу и направились к входу в здание, где находилась наша редакция, я вдруг сообразила, почему лицо блондина показалось мне таким знакомым.

Новый красавец-доктор из «Мультидента»! Пару раз я видела его, когда выходила курить на специально отведенную для этого непохвального занятия площадку под лестницей возле сортиров. Я его, конечно, особо не разглядывала – я стараюсь поменьше смотреть на красивых мужчин, чтобы не давать лишнюю пищу и без того не в меру пылкому воображению.

Сейчас, правда, меня занимала мысль не о красоте доктора, а о самой клинике «Мультидент». Я была там всего один раз и не ради лечения, а чтобы забрать какой-то цветочный отросток для Гангрены – известной любительницы всего живого (кроме людей, разумеется). Почему эту почетную обязанность возложили на меня – убейте, не помню. Да это и не важно. Важно то, что на стенах коридора в «Мультиденте» висели фотографии счастливых пациентов, и были это не доярки и не монтажники с высотниками, не ветераны войны и труда, а разные певцы, актеры, политики да бизнесмены, и даже губернатор Таймыра, невесть какой зубной хворью занесенный в наши края.

А поскольку доходы мои ни в какое сравнение с доходами губернатора Таймыра идти не могли, к зубной боли добавился тихий, но мучительный ужас. Конечно, я сегодня получила зарплату, но мне хотелось бы жить на нее долго и счастливо – целый месяц, и я просто не готова была лишиться ее вот так, в одночасье. К тому же меня стало мучить подозрение, что моей зарплате, пожалуй, может ведь и не хватить, и что я буду делать тогда?

На этой жизнеутверждающей ноте мои тягостные раздумья о собственной судьбе были прерваны – меня ввели в кабинет. Аглая потерялась где-то по дороге, наверное, эвакуировалась в редакцию, вместо того, чтобы оказывать подруге столь необходимую ей (то есть мне!) в этот трудный час моральную поддержку. Меня внезапно осенило: в случае необходимости, я могу занять денег у нее. Не может же лечение стоить больше, чем две редакторских оклада? О том, как я буду жить два месяца, я на всякий случай запретила себе думать. А заодно старалась не думать о том, как Аглая отнесется к перспективе отдать мне в долг всю свою получку.

Кабинет оказался рентгеновским. Перекидываясь шутками да прибаутками с блондином, толстая рыжая тетка проделала необходимые манипуляции, обращаясь со мной ласково, но бесцеремонно, словно какой-нибудь голливудский гример с Николь Кидман.

Когда черно-белый портрет моих челюстей вместе со всех их содержимым оказался в руках у блондина, меня подняли с кресла, в котором я обреченно дожидалась конца жизни и повели дальше по коридору.

Вскоре я уже сидела в стоматологическом кресле, с трудом сдерживаясь, чтобы не начать тихонько поскуливать, а прекрасный стоматолог пришил пленку на светящийся экран, взгляделся в нее и с какой-то даже радостью объявил:

– Пульпит!

С перепугу меня бросило в холодный пот. Стоматолог бросил на меня быстрый взгляд, пошуровал в шкафчике, и через мгновение я вздрогнула от резкого запаха нашатыря.

Блондин сунул мне нестерпимо воняющий кусок ваты в руку:

– Постарайтесь все-таки не умереть.

Кресло с тихим жужжанием поехало вверх, а мое сердце беззвучно покатилося вниз.

Подголовник поправлен, вокруг моей шеи повязана салфетка, справа от меня поставлен одноразовый стаканчик с голубоватой жидкостью... Блондин – уже в халате, и даже в медицинской маске – уселся на высокий табурет и подкатил поближе столик с инструментами. Щелкнул выключатель и в лицо мне ударил яркий свет.

– Шире рот! – зеркальце на хромированной ручке негромко стукнулось о зубы. – Ну, поехали!

Я приоткрыла один глаз, увидела блеснувшую на свету тоненькую, словно комариный хоботок, иглу шприца и зажмурилась еще крепче...

А потом боль прекратилась, и я от этого почувствовала себя такой счастливой, что даже необходимость сидеть с разинутым ртом, в котором, к тому же оживленно ковырялись, не портила мне настроения.

– Так, ну вот, можете закрыть рот, – наконец, сказал прекрасный стоматолог, и я открыла глаза. – Нерв я вам удалил, канал закрыл, зуб запломбировал. У вас еще парочка небольших дырок, но ими мы займемся в другой раз.

В жизни своей ни у кого не видела таких синих глаз.

– И что, болеть не будет? – демонстрируя чудеса интеллекта, спросила я.

Синие глаза прищурились:

– Что-нибудь, наверное, будет. Но не этот зуб. Нерва нет – болеть нечему.

– А... э-э... мышьяк? Вы положили туда мышьяк?

По лицу блондина было видно, что разговор со мной доставляет ему живейшее наслаждение:

– Куда «туда»?

– Э-э... – членораздельная речь давалась мне с большим трудом, и я искренне надеялась, что это из-за заморозки, а не из-за цвета его глаз. – Ну... В зуб!

– Нет. Хотел сначала, но потом раздумал.

– А вот скажите, – оживилась я и поспешно слезла с кресла, – а вот может такое быть: врач решил убить пациента, положил под пломбу мышьяк, пломба растворилась в слюне, а мышьяк попал в желудок и пациент помер?

– Что-то я не понял, объяснитесь. Вы хотите, чтобы я кого-нибудь отравил? Или боитесь, что я собираюсь отравить вас?

Господи, вот дура! Опозорилась, опозорилась на всю оставшуюся жизнь!

– Э... Нет...

– Слава Богу! Конечно, ради ваших прекрасных глаз я готов на многое, но убийство...

Мне и так было жарко от стыда, а от такой галантности я и подавно вся вспотела.

– Кхм... Вы не поняли – я... пишу детективы...

– А, ну это же совсем меняет дело! Обещаю вам сегодня же подумать над составом убийственной пломбы. И с ядом что-нибудь придумаем. Ну, мышьяк, правда, сейчас уже не применяют, но мы, медики, знаете ли, такие злодеи, такие отравители, всегда найдем, как отправить больного на тот свет. Но с вас причитается!

Спохватившись, я кинулась к своей сумочке, расстегнула молнию и, прежде чем приступить за поиски кошелька, который почему-то в ответственные моменты всегда ухитрялся забиться куда-то на самое дно, спросила:

– Э... Ы... Сколько я вам должна?

Блондин, не отвечая, улыбнулся, неторопливо подошел ко мне, вынул у меня из рук сумку и поставил ее обратно на стул.

– Я злодея погубил, я тебя освободил, и теперь, душа девица, на тебе хочу жениться.

Видимо, в моих глазах явственно отразилась готовность немедленно ответить согласием, потому что, не успев я и рта раскрыть, как он со смешком добавил:

– В свободное от писания детективов время, вы, наверное, подрабатываете на стройке.

– Почему вы так решили? – пролепетала я.

– Иначе не понятно, зачем вы таскаете в сумке кирпичи.

– Это книги, – объяснила я пристыженно, словно призналась в чем-то предосудительном.

– Ваши детективы?

Я покачала головой.

– Жаль, а то я хотел попросить у вас экземплярчик...

– Если хотите, – поспешно сказала я, – я принесу...

– Не хочу... Требую! Я же сказал – с вас причитается! Будем считать это первой частью моего... гонорара.

– Ну, конечно... А вторая часть? – опасливо спросила я.

Вместо того, чтобы ответить сразу, он пристально посмотрел на мои губы. Поцелуй казался совершенно неизбежным...

– Номер вашего телефона. Кстати, меня зовут Богдан. А вас?

– Ва... варя... – прошелестела я.

И вдруг надпись крупными буквами встала у меня перед глазами.

НИКОГДА! НЕ ЖДАТЬ! ТЕЛЕФОННЫХ! ЗВОНКОВ!

– Знаете что, – мой голос неожиданно окреп: – Лучше вы дайте мне свой номер. Я позвоню вам сама.

Вот и посмотрим. Спорим на шоколадку, что сейчас он спросит что-нибудь про ревнивого мужа, потом начнет уговаривать меня продиктовать ему мой номер, а когда я не соглашусь, прикинется, что никакого разговора о телефонных номерах вообще не было.

Но он не стал ни спрашивать, ни уговаривать, ни прикидываться. Повернулся к столу, взял из деревянной подставки для ручек и бумаг визитную карточку и протянул мне.

– Только учтите, я нетерпелив, ждать звонка больше суток абсолютно не способен. Так что не вздумайте меня обмануть, тем более, что я знаю, где вы работаете в свободное от писания детективов время.

– Разумеется, – со смешком ответила я. – На стройке.

– Ну, насчет стройки я уже не так уверен, скорее это какая-то секретная служба, но главное, что располагается она как раз по соседству, в редакции журнала... как его там... «Событие!», да?

Я наградила его обворожительной улыбкой и, произнеся какие-то прощально-обещающие слова, направилась к выходу.

Когда я взялась за ручку двери, он окликнул меня:

– Ты забыла дубленку.

Я обернулась. Он приблизился, накинул дубленку мне на плечи, притянул меня за полы дубленки к себе...

И застегнул верхнюю пуговицу.

На подгибающихся ногах я вышла из кабинета, изо всех сил пытаюсь прогнать с лица идиотскую кривую улыбку – заморозка еще не прошла, и правый угол рта не двигался.

Может, он не поцеловал меня из гигиенических соображений?

5

Чувства кипели, бурлили и переливались через край. Поэтому, вместо того, чтобы отправиться напрямиком в редакцию, я выскочила на улицу, отбежала подальше от входной двери, набрала Катькин номер и, едва услышав ее голос, взвизгнула:

– Сработало! Сработало!!!

– Что сработало? – не сразу поняла Катька.

– Фэн-шуй! Он подействовал!

– Ты с кем-то познакомилась? – Катьке явно хотелось взвизгнуть погромче моего, но приходилось сдерживаться.

– Да! Он врач! Стоматолог! Его зовут Богдан! Богдан... – я поднесла к глазам визитную карточку. – Ой, у него такая фамилия! Смешная!

– Богдан Пекло? – спросила Катька странным голосом.

– Да, – растерянно ответила я. – А что, ты его знаешь?

– Не по телефону! Надо срочно увидеться.

– Но ты ведь не расскажешь мне о нем ничего плохого? – встревожилась я.

– Ну, я расскажу, а плохое или хорошее – это ты сама решишь, – уклончиво ответила Катька.

Нельзя сказать, что тревога моя от этих слов стала меньше. Я попыталась вытащить из Катьки хоть что-то успокаивающее, но толку не добилась.

– Через час приеду! – пообещала я. Любопытство разрывало меня на части.

Зубная боль, конечно, прошла, но повод не ходить на Гангренину пирушку остался – и самый законный. И потом, все равно – дожидаться вечера, чтобы узнать Катькину секретную информацию о моем докторе было выше человеческих сил.

– Как твой зуб? – прокричала сердобольная Манечка Сергевна, когда я проносилась мимо ее комнатки по коридору.

– Все в порядке, залечили, – отозвалась я, не замедляя шага. – Спасибо!

Не успела я войти в наш кабинет, как Аглая, торопливо выключив радио, певшее голосом Паваротти, возбужденно воскликнула:

– Ничего себе! Он за нас заплатил, ты представляешь?

– Ну, тогда мне с ним вовек не расплатиться.

– Что? – Аглаиному потрясению (и, кажется, возмущению) не было предела. – Он что, ничего не взял с тебя за лечение?!

Я медленно кивнула, прикрыв для большей выразительности глаза, села в свое кресло, не снимая дубленки, и принялась левой рукой шарить по сумке в поисках губной помады. Правой рукой я в то же время заносила в память мобильного телефона Богдана, сверяясь с визитной карточкой, которую положила перед собой на стол.

Заново нарисовав губы (господи, сколько ж раз на дню надо проводить эту процедуру? это же никакой помады не хватит!), я сказала Аглае:

– Скажи Гангрене, что я перенесла невыносимые страдания, и после перенесенного наркоза у меня наступила слабость, дурнота, рвота, понос, головокружение, метеоризм и предсмертная икота. Так что я уползла домой, чтобы умереть вдали от нескромных взоров.

– Он что, назначил тебе свидание? – в глазах Аглаи горело жадное любопытство.

– Пока нет, – ответила новая, неотразимая и таинственная я. Прощально взмахнула крылом и упорхнула, оставив после себя легкое облачко специфической зубоврачебной вони...

Снег не прекращался, только хлопья стали меньше и полетели совсем уж параллельно тротуару.

Я сидела в «Кофейном Экспрессе» у самого окна, пила второй капучино с черничным маффином, курила пятую сигарету и смотрела на улицу. Тверская, как и Садовое, стояла в обе стороны.

Можно было бы немного почитать учебник по криминалистике, книжку о ядах и противоядиях или недавно переведенный роман Элизабет Джордж (вот вам неполный список кирпичей, лежащих в моей сумке). Но читать не хотелось. Вместо этого я глазела в окно, и, кутаясь в шарф, размышляла об убийстве в пробке. Скажем, машины начинают движение, но одна из них – пусть, в насмешку над моей дурацкой мечтой, это будет красный «Мерседес» – почему-то не двигается с места. Ему сигналият, тщетно пытаются объехать, возникает новый затор. Особо нервные участники автомобильного движения выпрыгивают из своих машин и несутся к «Мерседесу», чтобы вправить мозги его водителю.

Но вправить ему мозги уже невозможно, потому что большая их часть разбрызгана по роскошному салону, отделанному черной кожей.

Я поморщилась. Ну, нет, это не годится. Читать про разбрызганные мозги я еще могу, но писать про это совершенно не желаю. Мой принцип – как можно меньше натуралистических подробностей. Я для этого придумала даже специальный прием – главная героиня моих романов падает в обморок, как только видит очередной труп, не успев его даже толком рассмотреть, и поскольку рассказ ведется от первого лица, описание трупа я могу с чистой совестью опустить. Конечно, героиня при этом выглядит полной дурой, зато мои детективы могут читать даже дети младшего школьного возраста и беременные женщины.

Ладно, водитель мертв, и совершенно непонятно, почему. Ну, и кому это тогда интересно? Нужна необычная деталь, например... Он мертв, а на лице у него сидит огромный... паук! Нет... Скорпион? Нет... Таракан? Бр-р... Нет уж, извините.

– У тебя такое лицо, как будто ты только что проглотила муху... Очередной сюжет обдумываешь? – раздался у меня над ухом голос Катьки.

Муха! Какая-нибудь редкая, экзотическая муха! Надо будет порыться в книжках...

Вытащив из сумки блокнот, я торопливо накарябала в нем пару строчек на память, попутно бросив быстрый взгляд на часы. Катька, зараза, опоздала на сорок минут. И не потрудилась изобразить хотя бы легкое раскаяние. Вот если опаздываю я, она устраивает маленький конец света на двоих. А ведь мне почти никогда не удается опоздать сильнее, чем она.

– Ну, давай, рассказывай! – прошипела я, когда Катька, наконец, повесила шубу на спинку стула и уселась напротив меня.

– Да подожди ты! – отмахнулась она, дуя в ладони и потирая их друг о друга. Схватила принесенное официанткой меню и зашлепала листами в полиэтиленовых кармашках: – Холодно как, а...

– Без шапки ходишь и норка твоя щипанная едва задницу прикрывает, вот и холодно. Выпендриваться меньше надо!

– Красота требует жертв. А шапка мне не нужна. Мозга в голове все равно нет, вымерзать нечему... Давай глинтвейну выпьем, а?

– Пьянству – бой!

– Пьянству – гёрл! Два глинтвейна, пожалуйста! И салат «Цезарь»! Ой, слушай, у нас сегодня на работе какой-то дурдом, иностранцы с переломами косяками валят, я не понимаю, чего их сюда понаехало столько, Рождество что ли хотят на Красной площади встретить, и еще Марат звонит через каждые пять минут, а я с гипсом ношусь, как подстреленная – хотя на самом деле это не гипс, а пластик такой, застывающий от тепла. А доктор Леже смотрел-смотрел, как я леплю, да и говорит: «Катя, ви есть Роден natulel!». Я на него взглянула строго так и отвечаю: «Сами вы Роден! А я – Вера Мухина, автор „Рабочего и колхозницы“, символа единения тружеников города и села!» Он где стоял, там и сел.

– Дождусь я сегодня обещанного рассказа, или нет? – зарычала я, раздирая на две части бумажную салфетку.

– Сначала ты мне Расскажи. Что ты так на меня смотришь? Кому ты обязана этим знакомством, а?

И Катька торжествующе ткнула себя большим пальцем в грудь:

– Мне! Лучшей подруге всех времен и народов! Если бы не я, ты бы сначала умерла с голоду, а потом никогда не получила бы приносящих счастье и любовь волшебных сердечек. Так что я тебя внимательно слушаю.

Принесли глинтвейн. Обжигая язык, я сделала несколько маленьких торопливых глотков и поведала Катьке историю об острой зубной боли и о принце в белом халате, отважном победителе пульпитов.

– Ну, все, – сказала Катька. – Диагноз ясен. Фэн-шуй подкрался незаметно, хоть виден был издалека. Вообще, я должна тебя предупредить, что это, может быть, и не в фэн-шуйе дело. Потому что Пекло, это такой экземпляр... От его взгляда чугун плавится, не то что такие чувствительные барышни, как ты...

– Ты меня уже извела. Будешь мне рассказывать, что ты знаешь, или нет?

– Боюсь, каков бы ни был мой рассказ, на тебя он уже не подействует. Тут чары посильней моих.

– Сидорова, сейчас я отлуплю тебя как одноименную козу! – и для начала я пнула Катьку ногой под столом.

– Ладно, ладно! Убить прямо готова за своего красавчика! Но я не обижаюсь – не ты первая. Марат мне рассказывал, что к Богдану в метро девицы приставали, представляешь? Девки – к мужику – при всем честном народе! Вот это я понимаю – сексуальность прет из всех щелей!

– Во-первых, – надменно сказала я, – ты вспомни, каких мужиков поставляет нам столичный метрополитен. Либо дети до шестнадцати, либо представители тупиковой ветви эволюции и последствия генетических сбоев. На их фоне любой мало-мальски приличный мужчина выглядит Ален Делоном. Во-вторых, девицы, прямо скажем, тоже разные бывают – без зубов и пьяные с утра.

Катька захихикала:

– Да нет, девицы были правильные, просто не могли устоять. И скажи еще, что ты их не понимаешь.

– Ну, допустим, понимаю, – смягчилась я. – Но ты все-таки начни не с девиц, а с Богдана. Откуда ты знаешь-то его?

– Они с Маратом приятели. В институте вместе учились.

– Не поняла. Марат – ветеринар-хирург. Богдан – стоматолог, причем человеческий. Что за институт такой странный?

– Ой, ну это просто, они сначала учились вдвоем в Лумумбарии...

– Где-е?!?

– В университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы! Не надо таращиться. Там у них есть медицинский факультет! И на этом факультете учатся не только дружественные народы, но и простые советские люди иногда. Ну, может, не очень простые, может и по блату, но советские – это уж точно. Ну, и наши с тобой зазнобы... Они вместе учились до третьего курса. Богдан перевелся в стоматологический с потерей курса, кажется, а Марат доучился до конца, а потом получил второе высшее. Они раньше очень часто тусовались всей студенческой группой, а потом как-то все поразъехались по разным странам, переженились, детьми обзавелись – стало не до встреч. Когда мы с Маратом познакомились, он меня на их встречи стал с собой брать. Поэтому я всех их знаю. И Богдана, разумеется, в первую очередь, они с Маратом раньше не разлей вода были...

– Вот, правильно! А ты о подруге даже не подумала. Нет, чтобы меня с ним раньше познакомить, – с укором сказала я.

– Я не враг своей подруге! Именно поэтому я сижу здесь! Хотя, конечно, дело мое явно кислое, но я все равно должна тебя предупредить! Этот Богдан... На нем пробы ставить негде, юбочник отъявленный! У него меньше двух баб одновременно никогда не бывает! Я же за ним наблюдала, я видела, как он с девицами обращается. Милая-милая одна, потом, глядишь, милая-милая другая, а первая милая, разумеется, и не в курсе, что она хоть и первая, но не единственная! Потом первая милая узнаёт, откуда ветер дует. Уходит от него со скандалом и битьем бытовой техники! Он переживает три с половиной дня, а на четвертый к вечеру находит себе третью! Поверь мне, у него никогда – никогда! – не бывало меньше двух баб одновременно! Принцип запасного варианта – очень, очень удобно! Ни минуты не кукуешь в одиночестве, как некоторые. Я сама была такая как он, пока с Маратом не познакомилась...

Я немного помрачнела. Пожала плечами. Потом, прояснившись лицом, возразила:

– Может, он просто не нашел настоящую единственную...

Катка долго разглядывала меня – так, словно увидела первый раз в жизни. Потом тихо сказала:

– Так, понятно. Дело даже хуже, чем я думала. Ты уже ухитрилась в него втюриться.

– Что за ерунда! – возмутилась я. – Конечно, он мне сразу понравился, еще когда я в курилке его увидела, я даже нарочно старалась его не замечать, чтобы не размечтаться о нем ненароком, но это еще ничего не значит! Просто все равно я сейчас одна, а это такое занудство, а он такой красивый... Понятно, что он бабник, у него это на лбу большими буквами написано. Но, во-первых, мне вообще нравятся бабники... А во-вторых, я в него ни чуточки не влюблена.

– Ой, это ты кому-нибудь другому рассказывай, не мне. И даже если бы ты не была влюблена в него, он бы постарался, чтобы это случилось... Но с тобой ему не придется напрягаться... Разве только самую малость, просто чтобы закрепить полученный результат.

О Господи! За что ты определил мне в подруги одних только всезнаек? Почему я не дружу с наивными, чистыми созданиями, которые ничегошеньки не ведают, не соображают, не понимают и безоговорочно принимают на веру все, что им ни скажешь?

– Да почему ты так уверена?!

Катка пожала плечами:

– Просто сужу по себе. Если я знакомлюсь с кем-то, мне обязательно нужно, чтобы он в меня влюбился, даже если он мне задаром не нужен. И Богдан такой же, поверь мне.

Мне стало немного не по себе.

– То есть, ты считаешь, что я ему задаром не нужна?

Катка вздохнула:

– Да я же не про это тебе толкую! Я говорю тебе, что он не способен устоять перед соблазном. Ты не сможешь такое терпеть...

– Послушай, как тебе не стыдно! Я с ним только познакомилась, а ты мне уже предсказываешь его измены. Может, у нас с ним вообще ничего не будет!

– Ну, если только ты будешь о-очень сопротивляться. А интуиция подсказывает мне, что ты не будешь.

Глинтвейн неожиданно кончился. Я на всякий случай погоняла воздух в трубочке и спросила:

– И это все, о чем ты хотела меня предупредить? Я-то уж боялась, что он многодетный отец или у него невеста-кинозвезда, с которой я никак не смогу состязаться.

– Кто знает, – задумчиво ответила Катка. – Впрочем, что с тобой разговаривать, тебе в нем сейчас нравится все. Даже шрам у него на лбу.

Я запротестовала. Хотя, честно сказать, шрам мне нравился ужасно, не могу сказать почему.

– А знаешь, откуда у него этот шрам? Разбил машину всмятку, Врезался в столб. Сам вылетел через ветровое стекло. Вождение в нетрезвом виде, против которого ты так часто и так гневно выступаешь. Без прав год проходил. А мог бы сбить кого-нибудь...

– Но ведь не сбил! – возразила я.

– А на спине у него татуировки – на каждой лопатке изображено по маленькому крылышку!

О, Господи... Спасибо, что не церковь с куполами, и не якоря с парашютами!

– И какие крылышки? Надеюсь, стрекозиные?

– Нет, самолетные! Что за дурацкий вопрос! Птичьи, конечно! Но, конечно, имелись в виду ангельские...

– С ума сойти! – фыркнула я и прищурилась. – А ты-то откуда знаешь?

Катка слегка покраснела:

– На пляж всей компанией ездили – на карьер в Лыткарино. Я его специально не рассматривала, но я же не могла вообще на него не смотреть... К тому же он какой-то девице плел, что он-де падший ангел, с черными, обожженными молнией крыльями!

Хихикая, я покачала головой:

– А татуировки-хвостика у него на копчике ты случайно не разглядела?

– Мы ездили на обычный пляж, не к нудистам! Так что насчет хвоста на копчике тебе придется самой выяснять!

– Ну, если что, ты будешь во всем виновата. Я и на страшном суде скажу: вините во всем Катку – рассказала мне о его татуировках. Разожгла любопытство. Теперь я не успокоюсь, пока не увижу их своими глазами...

Не договорив, я схватила сумку, из которой доносился мотив арии Кармен из одноименной оперы Бизе – мобильник призывал меня к ответу.

Ария Кармен означала, что звонит женщина. Вызов с мужского номера в моем телефоне сопровождался маршем Тореодора – из той же оперы. Не могу вспомнить, когда я в последний раз слышала эту приятную мелодию. Хотя нет, помню – недели три назад мне звонил парень, с которым я училась на курсах английского – хотел, чтобы мы в «Событии!» напечатали рекламу его фирмы. А! И еще на прошлой неделе я по какому-то срочному делу понадобилось верстальщику Теме. Вот вам и все тореадоры.

А если кому интересно, что играет мой мобильник, когда на дисплее отражается незнакомый номер или вообще ничего не отражается, то я и сама уже плохо помню. Кажется, марш Радецкого.

Не успела я, нажав кнопку, приложить трубку к уху, как Аглаин голос замогильно про вещал:

– Срочно приезжай в клуб «Мандарин». Манечка Сергевна по пьяному делу сдала тебя с потрохами. Гангрена стала спрашивать, где ты. Я, как ты велела, сказала, что лежишь при смерти. А Манечка Сергевна напилась водки, лыка не вяжет и давай говорить, что ерунда, что ты выглядела хорошо, глаза блестели, щеки румяные. А Гангрена сказала, что она очень расстроится, если тебя не будет на этом празднике – как будто ты ее младшая сестра – любимая, но маленечко придурочная. И знаешь, я бы на твоём месте приехала, на всякий случай... Береженного бог бережет... Короче, я тебе адрес продиктую, а ты как знаешь...

Помертвевшими пальцами я нашарила в сумке блокнот и ручку, записала адрес, выслушала пояснения и сказала:

– Сейчас буду.

Через пять минут я, оставив Катке деньги, след от губной помады на щеке и торопливые слова прощания, отбыла из «Кофейного Экспресса» навстречу своей горькой судьбе.

6

Одно дело – саботаж и диверсии в тылу врага, и совсем другое – открытое вооруженное восстание. Похоже, Гангрена считала, что отказ посетить ее торжество должен быть подкреплен по-настоящему уважительной причиной – такой, как сломанная нога, острый приступ аппендицита или преждевременные роды. А поскольку благополучно залеченный зуб едва ли мог считаться одной из таких причин, то мне следовало бросить все – и мчаться на праздник, репетируя по дороге милую извиняющуюся улыбку. В противном случае... Гангрена умеет отравить человеку существование: мелочными придирками, внезапными колкостями, несправедливыми замечаниями, неприятными намеками – и прочими ядовитыми снадобьями из своего богатого арсенала. Стоит только начать, а потом – одному Люциферу в преисподней известно, когда ей это надоест – возможно, только когда я сломаюсь и положу ей на стол заявление об уходе. За время работы в «Событии!» я уже два раза с трудом перебарывала такое желание, и в третий раз оно могло взять надо мной верх, со всеми вытекающими последствиями – необходимостью искать новую работу – может быть, даже долго и нудно, – занимать деньги у мамы, а устроившись, мучительно привыкать к новому коллективу и новому начальству – которое, как все знают, редко оказывается лучше старого.

Ничего страшного, утешала я себя, утирая с лица снежинки, ставшие водой. Побуду немного в ресторане, поем от души, возмеща себе вычтенные на именинницу полсотни заработанных потом и кровью североамериканских долларов, помозолю глаза Гангрене... может быть даже, опустившись на самое дно лакейства и холуйства, скажу приторный низкопоклоннический тост... И тихо, по-английски, испарюсь – на свободу с грязной совестью.

На княжеский пир я прибыла, когда веселье уже разгоралось, потрескивая и подмигивая маленькими язычками пламени. На ресторанной сцене, правда, обещанной Ляли Берендей не оказалось. Вместо нее в желтом луче софита сидела на барном табурете усталая декольтированная дива – немолодая и некрасивая – и пела прокуренным голосом салонные романсы и ресторанские песенки вековой давности. На меня немедленно накатила нестерпимая тоска, но, к счастью, остальные гости Гангрены были люди бесчувственные, и праздник медленно, но верно набирал обороты.

Что касается вращения в обществе, о необходимости которого так много говорила товарищ Аглая, то именно для этого день рождения Гангрены оказался абсолютно непригоден. Ресторан клуба «Мандарин» оказался архипелагом из двадцати островов, каждый населен племенем из пяти-восьми персон, и у меня сразу же создалось впечатление, что большая часть племен не только не говорит на моем родном наречии, но даже и не считает представителей нашего племени за людей.

Наше племя целиком и полностью состояло из тех, чьими усилиями дайджест «Событие!» ежемесячно выходил в свет. Бухгалтерша и Манечка Сергевна уже не вязали никакого лыка, и мое прибытие встретили громкими приветственными криками, так что мне сразу захотелось залезть под стол. Фиш остекленело созерцал свою тарелку, то ли собираясь склонить к сотрудничеству кусок сырокопченой колбасы, то ли пытаюсь обнаружить кассету с микрофильмом в корзиночке с паштетом. Верстальщик Тема (он, конечно, предпочитает называть себя дизайнером) – высокий юноша с тонкой шеей, жидкими усиками и неубедительной бородашкой – рассказывал секретарше Танечке и Аглае, яростно замахавшей руками при виде меня, о какой-то своей очередной победе над сердцем некоей невзыскательной красавицы. Слушательницы, не скрываясь, хихикали сердцееду прямо в лицо, чего он, пребывая в полном упоении собой, по счастью, не замечал. Участия в веселии не принимала только Лидочка – должность которой называется красиво и интригующе: «помощник руководителя», а расшифровывается как «девочка за все» – она торопливо и целеустремленно заталкивала в себя все, что находила

на столе, делая исключение только для столовых приборов и тарелок – Гангрена могла позвать ее в любой момент, и неизвестно, когда в следующий раз ей удастся поесть. Хорошо еще, что у Гангрены есть автомобиль с водителем, иначе она, честное слово, ездила бы верхом на бедной Лидочке. Круг Лидочкиных обязанностей настолько обширен, что, по моему скромному мнению, она должна раздвоиться, если не растроиться, чтобы выполнить их все.

Когда я села за столик, Аглая без особого сожаления бросила Тёму с его любовными историями и возбужденно зашептала мне на ухо:

– Черт, ты опоздала! Он пятнадцать минут назад ушел!

Я обмерла. Богдан был здесь? Аглая, не замечая моего ужаса, продолжала:

– Ну, тот архитектор, про которого я тебе сегодня рассказывала! Да как же его фамилия? Сейчас я мужу позвоню!

Необходимые манипуляции с мобильником Аглая совершала, не прерывая монолога:

– Представляешь, высоченный такой – красавец-брюнет, в жизни еще лучше, чем на фотографии, хотела бы я на его жену посмотреть, хотя кольца на пальце у него нет, я специально посмотрела, а ведь, казалось бы, какое мне дело, у меня муж... наелся груш!!! Опять «абонент временно заблокирован»!!! Я не понимаю, он что, с Америкой треплется по мобильнику, что ли? Я позавчера ему пятьсот рублей положила, куда они делись? Честное слово, приду домой и устрою ему Варфоломеевскую ночь. Ну, так вот, о чем я говорила? А, об этом... архитекторе... Нет, мужа убью, ей-богу... Короче говоря, он офигительный, я хочу с ним познакомиться, а потом мужу сказать, ха, и он помрет от зависти!

Я слушала Аглаю не очень внимательно, безымянный Гангренин архитектор интересовал меня не слишком. Ела мясную и сырную закуску, тарталетки с икрой, корзинки с паштетом и с чем-то очень-очень чесночным – впрочем, мне сегодня ни с кем не целоваться, а жаль... Пила... Что пила? Пила все, что наливали... И во все глаза смотрела по сторонам.

Алкоголь широким потоком тек из бутылок в бокалы, а из бокалов – в жадные воронки ртов. Лица краснели, лысины блестели, по лбам и вискам тек пот, глаза наполнялись бессмысленным весельем. Манеры комкались и теряли свежесть, словно использованные салфетки. Вино расплескивалось на скатерти, майонез падал на грудь и колени, оливки улетали в неведомую даль. Официанты с вымученными улыбками сновали между столами, подливая напитки, меняя пепельницы и стряхивая крошки. Дива таяла в табачном дыму.

После каждой песни она исчезала за кулисами, и паузы между номерами становились все длинней. Пока дива отсутствовала, ее место перед микрофоном занимал ведущий – актер, более известный своими многочисленными белыми зубами, чем редкими и незначительными ролями. Актер вальяжно подплывал к микрофону, изображал улыбку – скалился, шурил глаза, ослепленный сверканьем своих знаменитых зубов, – и хамоватым самодовольным голосом объявлял очередное имя. Имя – иногда знаменитое – выкатывалось на сцену и, с трудом балансируя на шпильках или широко расставив ноги в лакированных ботинках и брюках от какой-нибудь итальянской каналы, а в критические моменты повисая на микрофонной стойке, выкрикивало тост. Тосты, как и паузы дивы, становились все длинней – и все бессвязней. Бессвязность несколько облегчала мне жизнь, потому что те тосты, которые я могла разобрать и понять, отличались отвратительной лстивостью. По мне, слушать лести такого сорта неприятно, даже если она говорится от чистого сердца. Правда, никого из допущенных к микрофону заподозрить в чистосердечии я не могла. Друзья и приятели Гангрены напоминали мне сборище старых лис, передувивших, вместе и поодионочке, не один курятник, и дожидаться от них искренности можно было, только застав их в момент сытого урчания над кучкой окровавленных костей и перьев.

Гангрена подходила то к одному столику, то к другому столику, одаривала улыбками, обменивалась поцелуями, отмахивалась от комплиментов. Лидочка сообщила мне, что одна из подсобных комнат ресторана завалена подарками и цветами, и на этих богатствах как Кощей

на злате чахнет один из охранников. За Гангрениным столиком наливались водкой класса премиум богемные кудри, высокопоставленная плешь, театральная седина со следами былой красоты, кинематографические усы, а также муж хозяйки бала – существо без свойств. Виновница торжества наслаждалась каждой минутой, каждой мелочью и деталью вечера, а больше всего своим собственным великолепием, и имела на то полное право – затейливо уложенные и выкрашенные во все оттенки красного волосы, зеленое вечернее платье и, разумеется, лучшие друзья девушек на пальцах, в ушах и на шее. Блеск, как сказала бы одна любительница мексиканских тушканов.

Я с тоской ожидала, когда высочайшее внимание прольется и на наш убогий уголок. Несмотря на обильную закуску, мартини, смешавшись в желудке с глинтвейном, образовало взрывчатую смесь, перемешавшую остатки мозга в моей и без того некрепкой с недосыпа голове, и последствия могли быть разнообразными. Горькую правду хотелось мне сказать Гангрене о ее гостях, ее вкусе, ее характере, стиле руководства и горькой судьбе ее подчиненных. Тонко и льстиво очаровать в то же время хотелось мне дорогую начальницу, мудрую – о! прозорливую женщину! успешную, незаурядную, дальновидную! И решительно не знала я, куда меня может понести, и боялась, что и понесет не туда, куда следует, и занесет дальше, чем нужно.

На мое счастье, в тот самый момент, когда Гангрена, приветливо улыбаясь, двинулась в сторону нашего столика, зубастый конферансье провозгласил со сцены:

– А теперь – наконец-то! – на сцену выйдет та, которую мы все так долго ждали!.. Она – прекрасна! Она – опасна! Она – юна! Она – влюблена! Она – сегодня с нами! Она – кто? Догадайтесь сами!.. Встречайте – Ляля Берендей!

В зале пронзительно взвизгнули.

Ударил по перепонкам нахальная, но глуповатая музыка, и из-за кулис выскочила разбитная девица, почему-то похожая на выпускницу парикмахерского лицея, только что сошедшую с электрички «Москва – Гжель», хотя всем – даже мне – было известно, что закончила девица один из лучших вузов столицы и что вышла она из «лексуса» последней модели.

Выхватив микрофон у зубастого, Ляля Берендей неразборчиво проорала поздравление Гангрене и запела песню, которую я раньше никогда не слышала, и была бы несказанно счастлива никогда не услышать.

Гангрена сменила милостивую улыбку на выражение восторга и упоения, и ринулась к своему столику, а оттуда – на середину зала, волоча за собой чиновную лысину и режиссерские усы. Немедленно вся троица кинулась в пляс, причем лысина пустилась вокруг Гангрены вприсядку, а усы немедленно отбили такую чечетку, что и Фред Астер позавидовал бы. Гангрена плавала павой, описывая круги и восьмерки, словно русские народные девушки в кокошниках из популярного во времена моего детства ансамбля «Березка». Прочие столы оживились тоже и вскоре на всем свободном пространстве прыгала густая толпа.

Я сидела, уткнувшись носом в тарелку и тихонько постанывала. Голос Ляли Берендей пробирал меня до самых печенок.

– Съешь жульенчик, – рявкнула мне в ухо сердобольная Аглая. – Манечки-Сергевнин. Она сама не будет.

Но жульенчик не лез мне в горло. Я сделала большой глоток мартини, съела оливку, выпила еще марини... Тут песня кончилась, я перевела дух, но Ляля Берендей только выкрикнула короткое приветствие гостям вечера, и немедля грянула вторая песня. Это были чертовы «Фигли-мигли». Я застонала во весь голос и вскочила из-за стола – с трудом оторвавшись от стула.

– Не могу больше! – крикнула Аглае сквозь грохот музыки. – Пойду подышу свежим воздухом!

Забрав в гардеробе дубленку, накинула ее на плечи и вышла за дверь. Торопливо полезла за сигаретами. Возвращаться не буду. Ну их к черту. В моем трудовом договоре не записано, что я должна слушать Лялю Берендей. Я чиркнула колесиком зажигалки и жадно затянулась.

Недолгий зимний день давно погас. Метель стихла. На черном небе проклюнулись крохотные, словно манная крупа, звездочки. Я выдохнула дым и с наслаждением вдохнула полную грудь холодного свежего воздуха. Как-то сразу позабылся день рождения Гангрены, завывания Ляли Берендей, и обильная жирная пища перестала тянуть меня к земле...

И вспомнились мне синие глаза, и белый шрам над левой бровью на загорелом лбу, и упавшая на глаза светлая прядь, и рука, эту прядь убравшая... Уверенная и твердая рука, уstraняющая зубную боль одним четким движением...

Все это вспомнилось мне так ярко, что моя собственная рука невольно полезла за телефоном.

Вообще-то среди женщин бытует мнение, что мужчине надо звонить на третий день после знакомства. Среди мужчин, говорят, тоже распространены какие-то сложные калькуляции подобного рода – с дробями, квадратными корнями и неизвестными величинами. Правда, все мужчины, которых я могла заподозрить в равнодушии к моей скромной особе, звонили мне почти немедленно. Если знакомство происходило в полночь, телефонный звонок будил меня в семь утра – даже если разлука приключалась только в три часа ночи – и через час назначалась встреча. Срочность объяснялась тем, что звонивший хотел немедленно сделать для меня нечто полезное и нужное: подарить книгу, видеокассету, копию своей дипломной работы, упаковку мультивитаминов или шоколадку с орехами. Если же по какой-то причине позвонить должна была я сама, и не делала этого в течение суток, меня начинали разыскивать по всем знакомым и незнакомым, называя предлоги столь странные, что все – и знакомые, и незнакомые, понимали: речь идет о большой и чистой любви – и давали мой номер, или номер тех, кто мог знать мой номер, а я впоследствии подвергалась суровой проработке за бесчувственность.

И что, скажите на милость, дадут мне лишних три дня ожидания его звонка – не считая истрепанных нервов и потерянного зря времени? И потом, разве у меня одной на свете болят зубы? Мало ли, сколько красивых девушек в Москве, и у всех бывает не пульпит, так кариес, не кариес, так зубной камень! За три дня таких девушек может набраться с десятков, а я должна буду ждать, пока мой прекрасный принц выберет кого-то другого, пока я тут считаю минуты?!

Как уже было сказано, алкоголь (бессистемно и к тому же не первый день принимаемый) ударил в мою не сильно привыкшую к возлияниям голову. В трезвом виде мне нипочем не хватило бы решимости. Но, давайте говорить начистоту, разве одной мне спиртное восполняет нехватку храбрости?

И я набрала его номер.

Трубка тихонько побулькала перед соединением и пустила мне в ухо длинный гудок.

В то же время откуда-то снизу, из-под крыльца заиграл Марш Красных Кавалеристов – сначала приглушенно, потом довольно громко – кто-то вытащил мобильный из кармана.

– Ал-лè! – сказал голос в трубке – и то же самое, с такой же интонацией, сказал голос внизу. Пораженная совпадением я свесилась через перила и, немного испуганно, позвала:

– Богдан!

Стоящий внизу обернулся, не отнимая трубки от уха, и поднял голову. Свет от вывески упал на его лицо, и я выронила из рук сумку.

Это был он! Он!

– Батюшки, а ты откуда выползла? – засмеялся Богдан. – Вот это встреча. – Подожди, у меня человек на телефоне.

– Богдан! Это я вам звоню!

– Слушай, да ты прямо повсюду! – он дал отбой, сунул телефон в карман трубки и, отшвырнув сигаретный окурок, нагнулся за моей сумкой. Отряхнул ее от снега, спокойным движением расстегнул молнию и по-хозяйски заглянул внутрь.

– «Криминалистика. Учебник для вузов», «Огнестрельное оружие. Справочник», «Яды и противоядия»... Куда смотрит милиция, честное слово!

Я сбежала по ступеням, совершенно не понимая, как себя вести. С одной стороны, надо было заявить, что он хам, отнять книжки и уйти, высоко задрав голову. С другой стороны, его наглость оказала на меня какое-то совершенно неожиданное действие – уходить не было ни малейшего желания!

Раздираемая противоречиями, я подошла к Богдану, который аккуратно положил книги на место, закрыл молнию и сказал:

– Остальное посмотрю потом.

– Вас в детстве учили, что нельзя брать без спроса чужие вещи? – поинтересовалась я.

– Нас? – Богдан старательно завертел головой по сторонам. – Не знаю, с кем ты разговариваешь? С зелеными человечками или белыми мышами? Я здесь один вообще-то. А меня – нет, меня ничему не учили. Я был заброшенный ребенок, дитя улицы. Поэтому ты должна меня немедленно усыновить и воспитать из меня настоящего человека и гражданина.

Я попыталась отнять у него сумку, но он не отдал, и как-то незаметно я оказалась совершенно запутавшейся в полах его куртки... и в ремне моей сумки... и в его руках...

– Ты как здесь оказалась?

Слова доходили до меня с пятисекундным опозданием – удивительный и необъяснимый акустический эффект.

– Тут... это... День рождения моей начальницы.

– Ага, ну да, все правильно. Меня тоже пригласили.

– Ты ее лечил?

– Нет, ее лечил заведующий, но мы же арендуем у вас здание – и все приглашены.

– Тогда пойдем? – я попыталась сделать шаг, но не смогла и с места сдвинуться.

– Да нет, мне туда уже не надо, все, что хотел, я нашел, – он прижался своим лбом к моему и потерся носом о мой нос. Никогда не думала, что от таких нехитрых движений может случиться такое мощное головокружение.

Со сладко замирающим сердцем я ждала закономерного продолжения...

И опять не дождалась. Он улыбнулся нежной нетрезвой улыбкой:

– Слушай, я тут живу недалеко – на Шмиту...

– Где?

– На проезде лейтенанта Шмидта, бестолочь! Пойдем ко мне в гости, а? Тебя ведь не расстреляют завтра перед строем, если ты уйдешь?

И заглянул мне в глаза.

Мне стало так жарко, что захотелось скинуть беретку и сунуть голову в свежий сугроб.

Тут, наверное, кто-то оторвет глаза от книги и спросит фикус в кадке (кактус в горшке, морковь в огороде, птичку в клетке, мужа в пижаме, народ в электричке): в каких теплицах выращивают такие орхидеи? В то время как прогрессивные женщины всего мира давно уже без малейшего затруднения произносят в аптеке слово «презерватив» и могут в подробностях описать технические характеристики идеального мужского члена любому желающему слушать, сохранились еще, оказывается, монашенки, синие чулки и старые девы, которые готовы хлопнуться в обморок, услышав, что мужчина – эка невидаль – приглашает их к себе!

Ну, во-первых, не монашенки и не старые девы, а во-вторых, совсем и не в обморок.

Но в первый же день! В день знакомства! Нет, не поймите меня неправильно, много чего было в моей отнюдь не безгрешной жизни, но все-таки по-настоящему романтические отношения не должны, то есть, девушкам, которые ждут от жизни чего-то большего, не следует...

Уф... Возможно, я и откинула все «не должны» и «не следует», тем более, что мне очень хотелось их откинуть. Но было кое-что, темное пятно, страшная тайна, похуже живущей на чердаке сумасшедшей жены Рочестера.

Вам эту тайну я, так и быть, открою, потому что дуры учатся на собственных ошибках, а умные должны учиться на чужих.

Прежде чем лечь спать после наших с Катькой вчерашних сеансов фэн-шуя, я, принимая душ, для экономии времени пренебрегла одной из важнейших процедур.

Я не побрила ноги.

Конечно, многие женщины считают депиляцию всякого рода буржуазным предрассудком, и даже, несмотря на мохнатые ноги, находят свое счастье. Но я еще не встречала женщин, которые решились бы искать свое счастье с колючими ногами.

Говорила же мне Катка: купи эпилятор, балда! Двадцать минут мучений, зато две недели ходишь с гладкой кожей и спокойной душой!

– Н-нет, – сказала тепличная орхидея. Вернее, роза, если сделать поправку на колючки. – Извини, но сегодня я никак не могу.

И внутренне сжалась, ожидая долгих утомительных уговоров и смертельной обиды после окончательного отказа.

Но Богдан только посмотрел на меня испытующе и переспросил:

– Никак-никак?

Я, печально и виновато, но решительно подтвердила, что никак. Богдан кивнул и, не выпуская меня из объятий, зажал губами новую сигарету, снова достал мобильник и, дождавшись соединения, крикнул:

– Здоровеньки булы!.. Сколько тебя учить, отвечать надо: «здоровее видали»! Ладно... У тебя машина на ходу? А то я тут немножечко... Ну, да, да, да... Да, ты мое персональное такси, а когда я заработаю много-много денег и заведу свою клинику, ты у меня будешь персональным водителем... Да нет, я к твоему дому подойду, ага...

Убрал от лица мобильник, чиркнул зажигалкой, и сказал, выдыхая дым:

– Ну, пошли, девушка-никак.

Мы перешли через дорогу и нырнули в проход между домами. Через две минуты мы стояли у подъезда, перед выдавшей виды иномаркой, цвет и модель которой из-за скудости уличного освещения и толстого слоя лежащего на ней снега определить не представлялось возможным. Богдан медленно обошел вокруг машины, стряхивая снег с крыши и капота. Нельзя сказать, что машину это украсило. Под слоем снега оказался внушительный слой грязи. Правда, небольшие участки на дверях вокруг ручек были небрежно протерты, но, очевидно, уже давно, потому что протертые места были лишь чуть-чуть светлее, но не намного чище остальной машины.

Богдан хмыкнул и, посплюнявив палец, написал на багажнике: «Помой меня, я вся чешусь!».

– Интересно, какой модели было это корыто при жизни? – меланхолически поинтересовалась я.

– Между прочим, это корыто еще живо и прекрасно ездит, – почему-то оскорбился Богдан. – И это, если хочешь знать, «Мерседес».

– Кто бы мог подумать! – искренне поразила я. Внезапно меня осенило: – Так... нас на этом повезут что ли?

– У тебя есть какие-нибудь возражения?

– Конечно, нет, – миролюбиво сказала я.

Запищал открываемый изнутри домофон, скрипнула дверь...

Из подъезда стремительно вышла темная фигура и направилась в нашу сторону. Очевидно, это и был наш кучер, только что-то в его походке не вязалось с моими представлениями

о кучере – слишком короткий и легкий шаг. И что это на нем надето? Разве мужчины такое носят?

– Танюха, здорово! – заорал Богдан.

Мои подозрения подтвердились.

В квартире на втором этаже зажглось окно, и его свет упал на машину и на нас троих.

Кучер оказался миловидной девицей моих примерно лет, старательно накрашенной, в вязаной шапочке с вышивкой, пуховике и юбке до пят. Подходя, она улыбалась Богдану:

– Ну, и куда тебя несет на ночь глядя?

Как только она заметила меня, улыбка соскользнула с ее лица и потерялась в сугробе.

– Да вот, надо девушку отвезти домой, а мне за правами только послезавтра ехать, так что вся надежда на тебя, – не считая нужным представлять нас друг другу, объявил Богдан.

– Понятно, – сухо отозвалась Танюха. Я изо всех сил надеялась, что она откажется. Но она перебрала пальцами ключи и, вставляя один из них в замок двери, едва слышно сказала: – Поехали.

– Слушайте, да ладно, не надо, доберусь я сама, тут до метро пять минут, – с преувеличенной бодростью в голосе затарахтела я, чувствуя, как от неловкости ситуации сами собой поджимаются пальцы на ногах.

Танюха моего благородства не оценила. Бросила на меня быстрый, словно плевок, взгляд, рывком открыла дверь и рыкнула, плюхаясь на сиденье:

– Садитесь уже!

Ну и черт с тобой. Решила себя принести в жертву большому чувству – приноси, я-то тут при чем? В конце концов, если о человека вытирают ноги, значит он лег на пол и подставил спину – или даже живот. Уж кому, как не мне это знать. Слава богу, было кому научить меня... Я поспешно прогнала непрошеные – совсем недавние! – воспоминания и нырнула в машину через галантно открытую самой себе дверь – прямо в объятия Богдану, уже расположившемуся с комфортом на заднем сидении.

Танюха завела мотор и с какой-то яростью врубил музыку.

«Милая-милая-милая! Грешный мой ангел земной!» – сладко заныло радио. «Милая-милая одна, милая-милая другая» – услужливо хмыкнула память Каткиным голосом... Очень подходящая к случаю песня.

– Танюх, да ты что! Выключи эту дрянь сейчас же!

Не меня выражения лица, Танюха щелкнула кнопкой, и противный мужской голос взвыл: «Разбежавшись, брошусь со скалы!». Мне захотелось немедленно катапультироваться из машины, но Богдан остался доволен, а ситуация совсем не располагала к спору о вкусах. К тому же на мою неопытную душу тяжким отпечатком легли страдания, перенесенные на заре туманной юности, когда все знакомые противоположного пола чуть ли не в один голос убеждали меня, что человек, беззаветно любящий музыку группы «Маркс+Энгельс» – то есть, такой, как я, – не имеет права голоса в приличном обществе, и должен смиренно признавать превосходство любого заунывного гундения, даже какой-нибудь группы «Дырявые носки», на том только основании, что любая рок-музыка лучше любой попсы. Сейчас я, конечно, в обиду себя не даю и при любом удобном случае с металлом в голосе заявляю: «Всех, кто слушает „Пинк Флойд“ – гнать поганой метлой!», но все-таки в первый день знакомства о музыкальных пристрастиях и предпочтениях стараюсь не спорить. Особенно, если пристрастия не очень-то совпадают, а новый знакомый – очень даже нравится.

Удивляясь сама себе, я продела свою руку под локоть Богдана. Богдан сделал почти незаметное движение – и наши пальцы переплелись. И музыка как-то сразу стала не важна.

Зеркало заднего вида отразило Танюхины глаза.

– Смотри на дорогу! – скомандовал Богдан.

Наверное, надо будет сказать ему потом, чтобы он вел себя как-то... помягче.

Дальше поездка проходила почти в полном молчании, если не считать штурманских указаний, которые я – голосом, полным душевного тепла – время от времени давала Танюхе. Да еще когда поворот оказывался чересчур резким – а они почему-то все оказывались чересчур резкими – мы с Богданом поочередно падали друг на друга, и, заходясь в глуповато-счастливым детском хихикании, обменивались нескончаемыми извинениями.

– Во-он у того подъезда! – наконец, сказала я, и машина, проехав еще десять метров, остановилась.

Я выжидающе посмотрела на Богдана, не очень представляя себе, что надо говорить и как себя вести. Каким все делается сложным, когда тебе кто-то нравится...

Может, мне следует предложить ему зайти на чашечку кофе, пиалущечку чая, рюмочку вина или стопочку водки? Но – при Танюхе – нет, у меня язык не повернется. Тогда – прощаться? А как?

Мои размышления прервал Богдан:

– Ну, выходим? – и, толкая дверь, велел Танюхе ждать таким тоном, что я, как ошпаренная, выскочила из машины.

Во всяком случае, стало ясно, что, после того, как я отвергла его приглашение в гости, моего приглашения он уже не ждет. А может, плюнуть на женскую солидарность, махнуть рукой на приличия и позвать?

Но тут перед моим мысленным взором встала страшная картина – мое холостяцкое жилище. Я тихонько содрогнулась. Если морально неподготовленного человека привести сегодня в мою квартиру, первая встреча неотвратимо станет последней. Редкий мужчина сможет пережить такое без вреда для психики. Две скомканные постели, моя и Каткина, раскиданная там и сям одежда, повсеместно валяющиеся книжки-бумажки – это еще милые и невинные пустяки. А ваза, в которой уже второй месяц сохнет сверху и гниет в бурой воде снизу, то, что когда-то было букетом роз! А кухня, где невозможно найти ни одной чистой тарелки! А большая чугунная сковородка, в которой я давным-давно, в тот же день, когда получила в подарок букет, готовила мясо по-французски! Мясо, конечно, давно съели, пустую сковородку я залила водой с «Фейри», но помыть за недосугом так и не успела. Даже подумать страшно, что может случиться, если постороннему человеку вздумается приподнять крышку и заглянуть внутрь!

И еще – фотография Зигфрида Энгельса над диваном. И – лягушачий лозунг. И – красное сердечко с надписью «I♥YOU»...

Нет-нет, никакого чая и кофий!

Богдан закурил очередную сигарету, и зажег мою.

Я немного покрутила извилинами в поисках подходящей темы для прощального разговора и не нашла ничего лучше, чем сказать:

– Спасибо, что довез. Хотя не стоило так человека напрягать. Я бы и на метро прекрасно добралась.

– Ничего, человек не расклеится, – Богдан ухмыльнулся. – Вообще-то, это мой «Мерседес».

А когда я подняла брови, добавил:

– А Танюха – моя бывшая половина. И, между прочим, это она от меня ушла, а не я от нее. Так что на все эти ее представления внимания обращать не стоит. Чем глазами сверкать, лучше бы машину помыла.

Пока мы курили и беседовали, Танюха вышла из машины и тоже закурила, но к нам не подошла.

– Надеюсь, скоро увидимся, – выбрасывая окурок, сказал Богдан.

После короткого прощания, я принялась рыться в сумке – ключи, как всегда, категорически отказывались сотрудничать добровольно.

– Ты кое-что забыла, – сказал мне в спину Богдан.

Я обернулась – и наткнулась на подставленную щеку.

Нет, каков нахал!

Не оставалось ничего другого, как применить к нему «поцелуй ужаснейшей силы», изобретенный моей любимой кузиной. Прием прост, как все гениальное. Целуя человека, надо хорошенько воткнуть подбородок ему в лицо. Когда кузина демонстрировала «поцелуй ужаснейшей силы» на мне, я извивалась и вопила от боли.

Но Богдан не завопил. Когда я отодвинулась от него, задыхаясь от затраченных усилий, то увидела лицо, выражающее полное и совершенное удовольствие.

Танюха тем временем высматривала что-то под ногами, отбрасывая снег подошвами сапог. Наконец, нагнулась – и в руке у нее оказалась довольно-таки увесистая палка. Вопреки моему ожиданию, Танюха не бросилась с палкой на меня, чтобы как следует отдубасить. Вместо этого, она принялась чертить что-то на снегу под фонарем. «Мерседес» загоразживал мне обзор, и увидеть, что она там чертит, я никак не могла.

– Ну, до скорого, – Богдан наклонился ко мне.

Наконец-то! Теперь-то уж он меня поцелует.

Но он только провел кончиками пальцев по моей щеке и, развернувшись пошел к машине. Недоумевая, я проводила его глазами. И вдруг с удивлением обнаружила, что вижу цвет «Мерседеса».

До чего же причудливо иногда сбываются детские мечты.

Он оказался красным.

Пораженная этим фактом, я долго стояла, позабыв, что надо отыскать ключи и отправиться домой. «Мерседес» давно уехал, на снегу остались следы протекторов и надпись, сделанная Танюхой.

Заинтересовавшись, я подошла поближе и прочла:

«Отольются кошке мышкены слезки!»

Отличный, кстати, лозунг. И неплохой сюжет для детектива. Главная подозреваемая всегда ведет себя именно так. Только в этом детективе, как ни крути, жертвой должна оказаться я.

7

Телефонный звонок сделал то, чего не смог час назад сделать звонок будильника – заставил меня подняться с постели. Не в силах расстаться с одеялом, я набросила его на плечи словно королевскую мантию – свободный край тем временем, разумеется, волочился по полу, и, шлепая по паркету босыми ступнями, подошла к письменному столу – с которого и доносились телефонные сигналы. Самого телефона я, конечно, не видела, потому что так и не сумела разлепить склеенные непродолжительным сном веки. Ведь когда сердце переполнено любовью, руки так и рвутся к уборке квартиры. И не беда, что на уборку может уйти добрая часть ночи.

Взялась за трубку, откашлялась трубным шаляпинским басом, сдернула ее с рычажка, поднесла к уху и полузадушено просипела робкое «алло».

– Доброе утро, будьте любезны, могу я поговорить с Варварой? – спросил женский голос, в котором я не сразу опознала Лидочку.

– Это я, – все еще пребывая во тьме полусна, отозвалась я.

– Варвара, здравствуй, – как будто она только что не сказала мне «доброе утро!», – с тобой сейчас будет говорить Галина Андреевна.

В ту же секунду глаза мои открылись и оказались на два размера больше тех, что были мне даны от рождения.

– Варечка, доброе утро!

– Здравствуйте, Галина Андреевна, – прошелестела я, лихорадочно пытаюсь вспомнить, когда в последний раз Гангрена звонила мне домой и по какому поводу, но ничего не находила в памяти, и темный, панический, животный ужас поднимался откуда-то из недр желудка и подкатывал к горлу рвотным спазмом.

Дело ясное, черный час пробил – за все мои прегрешения, подлинные и мнимые, Гангрена, наконец, решила сделать из меня чахохбили. Но к чему это иезуитское «Варечка» и зачем такой слабый, вялый, жалобный голос?

– Варечка, я договорилась с Филиппом Ипполитовичем, вы в редакцию сегодня можете не ходить, – (вот! вот оно!) – Через час за вами заедет мой шофер и отвезет вас ко мне, и мы с вами побеседуем.

– Хорошо, Галина Андреевна, – покорно проблеяла я.

– До скорой встречи! – и Гангрена положила трубку.

Горестно вздыхая, я выпуталась из одеяла, извлекла из-под дивана тапки и поплелась на кухню пить чай. Весь сон с меня как рукой сняло, зато появилась гулкая звенящая пустота в голове и ватная бесчувственность во всем теле.

Одинокой осенней мухой летала в пустом черепе единственная мысль и билась о лобные и височные кости. Где я прокололась, чего я натворила? Может, открылось, что я пользуюсь рабочим e-mail'ом в личных целях – ежедневно отправляю подругам краткие сводки с полей сражения, полные ядовитых реплик в адрес командующего состава? Может, обнаружилось, что некоторые журналы, собственность редакции, я утаскиваю домой, а некоторые препарирую на месте, оставляя на месте страниц бумажные лохмотья? Может, кто-то докопался, что статью из журнала «Красота и ты», которую мы поставили в прошлый номер, я не сократила, как было велено, а целиком и полностью переписала заново? Да мало ли еще прегрешений можно найти в моем темном прошлом, если покопаться хорошенько... Вчерашнее опоздание, разумеется, не могли поставить мне в вину – меня же не поймали на месте преступления, да и вообще вчерашний день вроде бы как праздник, поэтому не в счет... Или в счет? И счет на такую сумму, что Гангрена не смогла больше держать его под сукном, и наконец решила предъявить к оплате?

Но почему, черт возьми, почему именно сегодня?! Почему именно в тот день, на который я возлагала самые радужные надежды, Гангрена понадобилось все испортить?

Почему, объясните мне, если можете, у всех нормальных людей есть личная жизнь – более или менее интенсивная, есть работа – более или менее противная, а у некоторых даже есть муж и деньги. Ладно, черт с ним, я уже смирилась с тем, что ни мужа, ни денег – ни вместе, ни по отдельности – у меня никогда не будет (если только я не напишу бестселлер, во что поверить мне все труднее и труднее), ну и ладно, некоторые даже без ног живут. Но объясните мне, почему я черт знает сколько времени вкалывала как проклятая без всякого проблеска (то есть мужчины) на горизонте, а как только что-то замаячило и кто-то возник (да и возник ли?) – работа с грохотом валится в тартарары?

Горестные раздумья, сопровождаемые мучительно вялым надеванием колготок, прервал телефонный звонок. Я посмотрела на будильник. Странно, катафалк обещали подать через час, а не прошло сорока минут. Покойница еще не обряжена, между прочим!

– Подъем, подъем, кто спит, того убьем, – словно пионерский горн пропела Аглая. – У тебя есть десять минут, чтобы собраться и рвануть на работу. Я вчера тебя видела с доктором, – (вот шпионка, прямо ЦРУ какое-то!) – и подумала, что разумнее будет не полагаться на случай и разбудить вас обоих. Не знаю, как ему, но тебе уже пора!

– Во-первых, доктора со мной нет, и я не понимаю, почему ты обо мне такого мнения, – простонала я, – А во-вторых, я не могу с тобой сейчас разговаривать, – За мной вот-вот приедет машина, и я отправлюсь к Гангрена, а она меня уволит к чертовой матери!

– Уволит?! За что?

– Откуда я знаю, за что?

– Нет, подожди, она тебе что, не сказала?

– Не сказала!

– А почему ты сама ее не спросила?

– Да как я ее могла спросить?

– Словами! Если она тебе сказала, что она тебя увольняет, ты должна была спросить, за что, или я чего-то не понимаю!

– Она не говорила!

После недолгой паузы Аглая ласково спросила:

– А откуда же ты взяла, что она тебя увольняет?

– А зачем ей еще вызывать меня к себе с утра пораньше?!

В трубке наступила тишина. Я хотела напомнить Аглае, что не могу с ней разговаривать, но почему-то этого не сделала. Немного помолчав, Аглая поинтересовалась:

– Послушай, у тебя действительно случился острый приступ слабоумия, или ты просто прикидываешься?

– Конечно, легко тебе быть такой мудрой и прозорливой! – чуть не плача, ответила я. – Ты не проснулась от звонка Гангрены!

Аглая велела мне не скулить и потребовала подробностей. Выслушав, вздохнула:

– Да, сюжет, леденящий сердце... Несомненно, Гангрена тебя зарежет, расчленит на куски, спалит в камине, а пепел развеет над Кривым переулкам. Правда, есть один нюанс. Увольнять тебя у нее нет ни малейшей причины, если только ей ночью в пьяном кошмаре не приснилось, что ты претендуешь на место главного редактора. А поскольку такое ей и под самым тяжелым наркозом не примерещилось бы, можешь быть абсолютно спокойна. Пойми ты, бестолочь, Гангрена полночи гуляла в «Карагезе». Когда за мной приехал муж-объелся-груш, она уже лыка не вязала, полезла с ним целоваться – представляешь, с моим родным мужем, при живой-то жене! – и чуть не упала на стол! К сожалению, Фиш успел ее подхватить, подхватим проклятый! Не сбылась моя мечта увидеть Гангрена в кисло-сладком соусе! А когда мы уходили, она стояла на сцене и пела «Мохнатый шмель на душистый хмель» таким голосом,

что все окрестные кошки, завывая, стали сбегаться к «Карагезу». И ты думаешь, после такой ночи она поднимется с утра пораньше только затем, чтобы уволить тебя? Опомнись! Гангрена – личность гнусная, но масштабная! У нее к тебе появилось какое-то дело. И мне кажется, что тебя ждет какая-то высочайшая улыбка. Но даже если и нет, увольнение тут точно ни при чем.

– Будем надеяться, – чувствуя некоторое облегчение от Аглаиных разумных слов, ответила я. – Спасибо тебе, дорогая. Ты уж прости, что я вчера бросила тебя на этом слете упырей.

– Да ладно, что с тебя возьмешь, – благородно ответила Аглая. – Ни пуха!

Водитель Гоша позвонил через десять минут, и еще десять минут ему пришлось караулить меня у подъезда. Когда я спустилась вниз и уселась рядом с ним на переднее пассажирское сиденье «Ауди А4», он на мое приветствие только дернул щекой и отвернулся. Лицо его отливало в зелень, а глаза в красноту. В сочетании с привычно желтыми прокуренными зубами получался полный светофор, и светофор неисправный.

Первые четверть часа дороги прошли в недружелюбном молчании, сопровождаемом хриплым завыванием пацанов по радио «Шансон». Не очень понимая, что к чему, я решила разрядить атмосферу и, для начала, попыталась разузнать у смотрителя светофора, зачем я понадобилась Гангре... Галине Андреевне, но тот только пожимал плечами, мрачно отмахивался и курил сигарету за сигаретой. Когда я, наконец, прямо спросила, не обижен ли он на меня, и если да, то за что, он оттаял, заверил меня в самом дружеском своем отношении и принялся жаловаться на жизнь. Оказалось, после «Карагеза» Гангрена отправила домой мужа, разогнала всю свиту, кроме Лидочки и еще какой-то выдры мутноглазой, и сперва заставила Гошу кататься по городу – сама орала песни советских композиторов, особенно часто повторяя «Как молоды мы были» и «Любовь, комсомол и весну» и заставляя присутствующих себе подпевать, – а потом велела ехать в ночной клуб «Золотая рыбка», славящийся, как известно, зажигательным мужским стриптизом и мгновенным исполнением любых прихотей состоятельных дам, где куролесила часа три, если не больше. Гоша, разумеется, тем временем, дожидаясь ее в машине, забываясь время от времени чутким и тревожным сном. И теперь Гангрена, страдая от жесточайшего похмелья, валяется без сил дома, а он, измученный и невыспавшийся, должен гонять по всему городу, выполняя ее (тут Гоша не удержался от нецензурного прилагательного) поручения.

У меня отлегло от сердца. Конечно, Аглая оказалась права, а мне пора отучаться от привычки ударяться в панику при каждом удобном случае.

Помимо особняка на Алтынном шоссе, у Гангрены имеется скромная, но уютная квартира чуть больше ста квадратных метров в одном тихих арбатских переулках. Знаю я об этом от неугомонной Аглаи, а она – от мужа, который по роду занятий, выведывает все о квартирах знаменитых и сильных мира сего, чтобы, в случае чего, успеть с проектом раньше конкурентов – а конкуренция среди московских дизайнеров приобрела такие масштабы, что я уже набросала план небольшого детектива на эту тему. Детектив начинается так: в необитаемой, свежееотремонтированной квартире балетной примы находят труп знаменитого дизайнера интерьеров... Беда только в том, что, как только я начинаю обдумывать детектив более основательно, труп дизайнера приобретает такое пугающее сходство с Аглаиным мужем, что я, от греха подальше, перевожу мысли в другое, более безопасное русло...

Гангренин дом оказался живописным особнячком веселого канареечного цвета, от всей души реконструированный, так что определить его возраст не представлялось возможным. Впрочем, справедливости ради должна заметить, что если бы и представлялось – мое невежество мне все равно был этого не позволило.

Выйдя из машины, я задрала голову вверх, чтобы получше рассмотреть оккупированный начальницей памятник архитектуры. На лицо мне медленно опускались снежинки, а я раздумывала над тем, что дизайнерский детектив можно написать по-другому. Скажем, убить не дизайнера, а хозяйку квартиры. И ход неплохой, и, главное, жертву ни капельки не жалко.

Видеоустройство смерило нас единственным глазом и закурлыкало, позволяя войти.

За дверью я почему-то ожидала увидеть автоматчиков в бронежилетах, которые уложат нас с Гошей лицом в ковер, и будут за волосы приподнимать и поворачивать наши головы, чтобы сверить подлинные лица с фотографиями в документах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.